

Киллер против заказчика  
Выживет только один



СЕРГЕЙ  
БАКШЕЕВ

# ЗЕРКАЛЬНАЯ МЕСТЬ

# Сергей Павлович Бакшеев

## Зеркальная месть

### Серия «Светлый демон», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8612812](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8612812)*  
*авторское;*  
*ISBN 977-0-1308-1400-6-14001*

#### **Аннотация**

«Светлый Демон» – это серия триллеров о профессиональном киллере Светлане Демьяновой. Страшные события прошлого искалечили ее душу, превратив в идеального убийцу. Много лет она работала на Заказчика, которого не знала. Получая заказы через Посредника, она не догадывалась, что знакома с ним. Но правду невозможно скрывать вечно. И настало время, когда ей предстоит узнать все страшные тайны о своем прошлом и настоящем.

«Зеркальная месть» – третий роман серии. Профессиональный киллер Светлана Демьянова планирует начать нормальную жизнь, но бывший Заказчик, генерал ФСБ Рысев, хочет уничтожить ее. Чтобы обрести свободу Светлана вынуждена вступить в неравную схватку. Копаясь в прошлом Рысева, она выясняет, что их связывает давняя страшная тайна. Победить в противостоянии может только один из них.

# Содержание

1	5
2	13
3	19
4	24
5	29
6	32
7	38
8	44
9	48
10	55
11	62
12	66
13	71
14	75
15	79
16	83
17	89
18	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

# **Сергей Бакшеев**

# **Зеркальная месть**

Copyright © Sergey Baksheev, 2013

Ожидание изматывает. Двое худощавых мужчин среднего возраста четвертый час маялись в черной «трешке» БМВ с затемненными стеклами. Оба были одеты в темно-синие зимние куртки с капюшонами и серые вязаные шапочки. Цепкие взгляды и экономные движения делали их еще более похожими друг на друга, однако родственниками мужчины не являлись. Одного звали Лесник, другого Гном. Оперативные псевдонимы офицеров ФСБ<sup>1</sup> никак не соответствовали их внешнему виду и настоящим фамилиям Петров и Матвеев. Таковы были правила могущественной Конторы.

Гном скомкал опустевший пакет из «Макдональдса», принимая ногой стакан из-под кофе.

– Не сори, – упрекнул его Лесник.

– Предлагаешь выбросить?

Каждый из оперативников понимал, что оставлять улики на месте скрытого наблюдения недопустимо. В обычных обстоятельствах они бы использовали специально оборудованный фургон, но на тихой улочке подмосковной Коломны его бы без труда засекли профессионалы, за которыми они охотились. А семилетний БМВ, как раз та машина, которую может себе позволить амбициозный житель районного центра

---

<sup>1</sup> Федеральная Служба Безопасности.

в ста километрах от Москвы. И оперативников тачка устраивала. Скоростные качества на уровне, а большего и не надо. Соблюдая предосторожность, они припарковали БМВ в ста метрах от подъезда, который их интересовал.

Оба офицера имели звания майора, но Лесник являлся старшим группы. Приказы, которые они выполняли, зачастую выходили за рамки правового поля, а порой им поручали решить проблему самым радикальным способом. Как говорится, нет человека – нет проблемы. Так было и сегодня. Лесника напрягали подобные приказы и их возможными последствиями. Чтобы не оказаться крайним он тайно записывал устные распоряжения генерала. Гном был человеком действия. Он полагал, что думать должно начальство, и лучший способ выслужиться – четко выполнять приказ.

Гном открыл бардачок и достал плоскую бутылочку коньяка.

– По чуть-чуть? – предложил он.

– Не время, – нахмурился Лесник.

– Врубай тогда двигатель. Замерзнем. – Недовольный Гном убрал коньяк.

Это тоже противоречило инструкции, однако январский мороз не оставлял выбора. Лесник проверил, отключены ли габаритные огни, и завел машину. Щетки смахнули снежинки с лобового стекла. Гном подкрутил регулятор громкости в приемнике, принимавшем сигнал с потайных микрофонов, установленных в квартире, которую они пасли. Был слышен

лишь работающий телевизор.

– Когда придет эта зараза?

– Ты ей льстишь. В восемнадцатом веке светские ухажеры называли «заразами» прекрасных дам.

– С чего это?

– От слова «заразить», «сразить» внешним видом. Представь себе, «заразами» именовали дамочек с выдающимися женскими прелестями. Эдаких сексапильных красоток, стреляющих игривыми глазками.

– К нашей стерве это не относится. Если бы она стреляла только глазками, мы бы за ней полгода не бегали.

– Определение «стерва» больше походит для нее, – согласился Лесник. Оперативник непроизвольно прощупал пулевые отметины на обеих руках, оставленные женщиной, которую планировалась убрать.

– Ты еще скажешь, что «стерва» что-нибудь означает кроме стервы?

– Каждое ругательство имеет свое объяснение.

– Ха! Про основные: пошел ты нах, или куда поглубже – объяснять мне не надо. А «стерва»?

– Первоначально так называли падаль, тухлое мясо. Потом «стервозами» стали называть вредных шлюх, с душком. Но мужиков тянет к порочным женщинам, поэтому слово «стерва» приобрело и некий уважительный смысл. Типа роковая женщина. А рок – это судьба. Наша стерва многим судьбу укоротила.

– Это она делает лихо. Но на каждого крутого киллера найдется своя маленькая пуля.

– Или взрывчатка. – Лесник кивнул на пульт дистанционного управления, сделанный в виде рации.

– В Калининграде было достаточно пули. Если бы не Коршун, мы бы еще летом ее закопали. Подонки!

– Коршунов не алкаш.

– Ну и что?

– А то! «Подонками» в кабаках называли остатки мутной жидкости на дне кружки. Тех, кто допивал алкоголь за посетителями, тоже стали дразнить «подонками». Так что «подонки» – это опустившийся алкаш.

– Подлец он, да и всё!

– Тоже не в масть. «Подлец» это польское слово, означает «простой, незнатный человек». А предок Коршунова был офицером в Белой армии. Коршунов из дворян.

– Мудришь ты, Лесник. И то не подходит, и другое не в масть. Да как же нам называть этих идиотов, взбрыкнувших против Контора?

– Слово «идиот» растолкую в следующий раз. А Коршун, он и есть коршун – птица вольная и хищная. А она СД – Светлый Демон. Этим всё сказано. Знаешь, что означает «демон»?

– Дьявол.

– Нет. Демон – это падший ангел. У демона есть шанс вернуться в прежний облик.



– Откуда ты все знаешь, Лесник?

– Голова, Гном, не только для того, чтобы фуражку носить.

– Когда ты ее надевал в последний раз?

– Стану генералом, надену.

– На место Рыси метишь?

Лесник промолчал, а Гном завелся:

– Если ты такой умный, скажи, зачем Рысев хочет уничтожить СД? С чего наш генерал так взбеленился? Киллерша неплохо работала на Контору, ну и продолжала бы! Мало ли грязных дел, которые лучше выполнить чужими руками.

– А тут и гадать нечего. Рысь хочет ее убрать, чтобы замолчала.

– СД и так молчит. Полгода, как она с Коршуновым улизнала из Калининграда.

– А если она высунется и начнет трубить о прошлом?

– Светлому Демону не резон высываться. На ней, говорят, такие трупы, что по любому до суда не доживет.

– Это слухи. А кого на самом деле она завалила, знает только Рысев, Коршунов и она сама.

– И двое из этой троицы лишние.

– Вот ты, Гном, и ответил на свой вопрос.

Салон автомобиля достаточно прогрелся, и Лесник выключил двигатель. Шум телевизора в подслушивающем устройстве стих. Гном наклонился и посмотрел на окна пятиэтажки, в торце которой расположился автомобиль.

- Свет погас. Ее сынок ложится спать. – Гном широко зевнул. – Кинем на пальцах, кому первому дрыхнуть?
- Или Коля Субботин готовится к встрече.
- А если Светлый Демон вообще сюда не придет?
- Раз Коршун явился к Субботину и растолковал про мамочку, значит и Светлый Демон появится.

Прошедшим летом в Калининграде Лесник и Гном должны были «закрыть» проект «СД» – ликвидировать женщину-киллера по кличке Светлый Демон. Хотя она помогла в выполнении важной государственной операции, генерал Рысев потребовал уничтожить ее. Однако подполковник Коршунов, долгие годы курировавший работу тайного киллера, нарушил приказ и встал на сторону женщины. В результате оперативники получили ранения, а Коршунову и Светлому Демону удалось скрыться.

Спустя три месяца их след обнаружился в Киеве, но нерасторопные коллеги только спугнули Светлого Демона. Теперь единственной зацепкой осталась конспиративная квартира в Коломне. Коршунов заранее уничтожил всю документацию по ней, но квартиру вычислили. В ней жил молодой парень Николай Субботин. Тщательная разработка выявила, что Николай Субботин приходится родным сыном Светлане Демьяновой. Это была удача, ведь Светлана Демьянова – прежнее настоящее имя Светлого Демона. В квартире была установлена «прослушка». За Николаем Субботиным велось наблюдение. Однако вплоть до середины января ни-

чего подозрительного замечено не было.

И вот четыре дня назад в квартире был зафиксирован разговор Кирилла Коршунова и Николая Субботина. Неожиданно появившийся Коршунов рассказал Субботину, что Светлана, которая спасла ему жизнь в Валяпинске, ни кто иная, как его родная мать. Парень был в шоке. Он считал себя сиротой и за время тяжелых испытаний на Урале успел полюбить Светлану как женщину<sup>2</sup>.

Коршунов сообщил Субботину, что его мама вынуждена скрываться. Он проверил, как поживает любимая черепашка Светлого Демона, которую она передала Николаю при расставании, и пообещал, что мать вскоре навестит его.

С этого момента генерал Рысев активизировал охоту на Светлого Демона. Однако он не хотел привлекать к операции широкий круг сотрудников, поэтому основная нагрузка выпала на долю Лесника и Гнома. Генерал предоставил им шанс поквитаться за прокол в Калининграде.

На следующее утро, как только Николай Субботин покинул квартиру, Гном закрепил взрывное устройство под террариумом с черепахой. Сегодня наступил третий вечер их дежурства у дома в Коломне.

– Она придет, – заверил Лесник напарника. – Бабы сентиментальны. Светлый Демон захочет увидеть сына и приласкать черепаху, с которой нянчилась несколько лет.

– Тихо! – Гном показал на оживший приемник. – Кажется,

---

<sup>2</sup> История рассказана в романе Сергея Бакшеева «Светлый Демон».

открылась дверь. Кто-то пришел.

Оперативники переглянулись, Лесник нацепил наушники. На утомленных ожиданием лицах разгорался азарт охотников, заметивших добычу.

Я долго не решалась на встречу с сыном. Отнюдь не из-за опасения быть пойманной.

За многие годы я привыкла скрываться от правоохранительных органов. Ведь я – наемный киллер, известная под именем Светлый Демон. Все эти годы меня негласно опекал Заказчик – могущественная спецслужба в лице генерала Рысева. Но я не догадывалась о нем. Я общалась с безликим Посредником. Мы обменивались электронными сообщениями, в особых случаях он мне звонил. Всё необходимое я получала в тайниках. Это могла быть ячейка в камере хранения, автомобиль с ключами и оружием в багажнике или обычная квартира с незапертой дверью.

Посредником оказался Кирилл Коршунов, который в середине девяностых обучил меня стрелковому мастерству и спас от верной гибели после моего первого задания. За те недели, что мы провели вместе, я влюбилась в Кирилла по уши. А потом горько плакала, потому что считала его погибшим. Так было выгодно Конторе. Лучшие ликвидаторы получают из сирот – полагали там. Нет близких – нет душевного волнения. Нет душевного волнения – тверже рука. У пули выпущенной твердой рукой больше шансов поразить цель.

Я им подходила идеально. Грешница без родни и близких,

отчаявшаяся на убийство. Женщина с опустошенной душой и тренированным телом.

Это только на взгляд дилетанта мужчина лучше подходит на роль киллера. Рельефные мышцы востребованы режиссерами боевиков. Фактурная фигура – всего лишь более крупная мишень для противника. В реальном противостоянии побеждают не крепкие кулаки, а меткая пуля, своевременно выпущенная незаметным стрелком.

В грязной профессии киллера-снайпера главное – умение ждать и маскироваться. Любой учитель вам сразу ответит, кто непоседливее – девочки или мальчики? А у кого больше возможностей для перевоплощения? На стрельбище хорошие снайперы показывают плотные результаты. Но после пяти часов напряженного наблюдения через прицел, когда допустимо лишь изредка расслабить то одну, то другую мышцу, моя рука действует вернее любого спецназовца. Ожидание – это функция, заложенная в женщину природой.

Прошлым летом на Урале в родном для меня Валяпинске Кирилл Коршунов сбросил маску неведомого Посредника. Он появился из небытия в тот момент, когда я уходила под воду и не желала жить. Он раскрылся, потому что мое положение в корне изменилось. Заказчик решил прекратить существование проекта «Светлый Демон», что в переводе с канцелярского языка означало мою ликвидацию. И эту работу поручили Коршунову.

Однако начальство сбросило со счетов его чувство ко мне.

Любовь перевесила служебный долг. Выполнив последнее задание в Калининграде, мы с Коршуновым сумели уйти от Чистильщиков Конторы<sup>3</sup>.

Выбраться из Калининградской области нам помогла Татьяна Коломиец, дочь Коршунова. Он скрывал ее от меня. Тайна породила мою ревность. Я посчитала красивую девушку женой Коршунова. Недоразумение разрешилось, когда нам потребовалось исчезнуть из поля зрения Конторы. Татьяна оказалась шустрой студенткой, обучающейся журналистике. Она изменила внешность под меня и купила по нашим документам билеты на автобусы, поезда и самолеты, отправляющиеся по разным направлениям. Ее, конечно, задержали, а мы тем временем ушли морем в Литву, а оттуда перебрались в Украину.

Первые три месяца мы опасались каждого шороха, но постепенно почувствовали себя в безопасности и решили, что Контора оставила нас в покое. Мы даже запланировали приобрести домик в Крыму с видом на море. Для этого потребовалась крупная сумма наличными. Деньги у меня имелись, но они хранились на зарубежных счетах, о которых знал Заказчик. Я рискнула сделать перевод и явилась за ним в Киевский банк.

Радужный клерк сразу напрягся, открыв информацию по моему счету. Он удалился для оформления документов, а я, споткнувшись, успела прикрепить к его костюму микрофон,

---

<sup>3</sup> Смотри роман Сергея Бакшеева «Дамский выстрел».

из того арсенала технических средств, которые остались у Коршунова. Наушник, спрятанный под париком, прекрасно информировал меня.

Я услышала доклад клерка руководителю и звонок местным «чекистам». Следовало срочно уходить из банка и уезжать из города. Однако в бега подаваться лучше с деньгами. Эта ноша не тянет. Я предупредила Коршунова и прикинулась строгой нетерпеливой дамочкой.

После некоторой волокиты, деньги мне выдали. По прямому указанию «чекистов», которые как раз подъезжали к банку и считали, что лозунг «грабь награбленное» актуален и в двадцать первом веке.

На выходе меня поджидали три самодовольные физиономии. Их глаза косили на увесистую сумку в моих руках. В этот момент в урне взорвалась связка петард. Секундное замешательство противника позволило мне прыгнуть за руль заведенной машины, сорваться с места и свернуть на заранее продуманный маршрут. Фигура Коршунова мелькнула в зеркале заднего вида. Он пересек улицу, рассыпав на дороге «ежи», сделанные из гвоздей. У преследователей не осталось шансов догнать меня.

Иногда простейшие приспособления эффективнее заумных устройств.

В тот день я убедилась, что Заказчик и не думал прекращать охоту за мной. Я по-прежнему не свободна и вынуждена считаться с ним. Бывший Заказчик гораздо опаснее, чем



все отделения полиции со старыми ориентировками на меня. Полиция питалась слухами и разрозненными показаниями. У Рысева хранилось мое досье. Документы лишь тогда приобретают смертельную силу, когда собраны и систематизированы умелой рукой. Генерал знал мои фальшивые имена, некоторые банковские счета и конспиративные квартиры. У него имелись мои отпечатки пальцев и образцы ДНК. Он знал мои привычки и способы перевоплощения. Он знал всё или почти всё. И расставил ловушки там, где я могла появиться.

Коршунов уверял, что уничтожил сведения о квартире в Коломне, куда отправил Николая Субботина. Так звали бывшего солдата, которому я спасла жизнь в Валяпинске. Перед прощанием я подарила ему ночь любви. Парень впервые познал женщину.

В тот момент я и предположить не могла, что Николай Субботин – мой сын!

Я не знала, что он жив! Я совершила страшный грех, бросившись с обрыва в реку с годовалым сынишкой.

Не хочу вспоминать тот ужас. Я виновата перед Богом и сыном. Те жуткие события послужили толчком, превратившим меня из обычной девушки Светланы Демьяновой в хладнокровного киллера Светлый Демон.

Николай, воспитанный в детдоме, тоже не догадывался, что я его мать. После грешной связи мы не виделись. Но Кирилл настоял, что я должна признаться. Сын имеет право

знать о своей маме, какая бы она не была.

И я решилась.

Коля может не простить меня. Но я должна очистить душу признанием, а также рассказать ему о погибшем отце.

Соблюдая меры предосторожности, мы с Коршуновым в середине января приехали в Коломну. Четыре дня назад Кирилл посетил Колю, и открыл ему правду обо мне. Прошедших дней достаточно, чтобы парень пережил шок и мог посмотреть на меня другими глазами. Я очень на это рассчитываю. И боюсь встречи.

Как всё сложится, я не знаю. Осталось переступить порог его квартиры.

– Пришли. Оба. – Гном невольно стал говорить тише, словно его могли услышать те, за кем они следили. – Светлый Демон клюнула!

Лесник прижал наушник, Гном наклонился к приемнику. Создавалось впечатление, что агенты спецслужбы хотят протиснуться сквозь потайные микрофоны в прослушиваемую квартиру.

«Привет, Николай. Это мы», – звучал голос Коршунова.

«Коленька. Можешь ничего не говорить, родной. Слова потом», – сказала Светлый Демон, и микрофон зафиксировал невнятные звуки.

– Обнимаются, – догадался Гном.

«Ты не смотри, что я плачу. Это от счастья. Я обычная женщина».

– Будешь плохо вести – пристрелю! – добавил Гном. Ему доставляло удовольствие вставлять комментарии.

«Сердце разрывается. Дай мне прийти в себя, сынок. Потом поговорим. Где Пифик?»

«Я покажу черепаху, – вызвался Коршунов. – Свет включать не будем».

– Иди к безмозглой животинке, – обрадовался Гном и похвалил Лесника. – Ты оказался прав, бабы сентиментальны.

«Кирилл, у меня кружится голова».

«Присядь, Светлая. Нам некуда спешить».

«Ну почему я не могу жить обычной жизнью! Почему Рысев хочет убить меня?»

«Теперь уже нас».

«Твои проблемы из-за меня. Где я ему перешла дорогу? Ведь я выполняла его приказы».

Лесник напрягся. Его тоже интересовало, почему генерал открыл непримиримую тайную охоту на верного исполнителя. Подобная судьба могла ждать и его. Лучше учиться на чужих ошибках.

«Ты слишком хорошо работала. Рысев боялся, что тебя перекупят и направят против него».

«Это бред».

«Ну, почему. Наемный киллер тем и хорош, что его интересуют только деньги».

Лесник согласился, что идея бредовая. Только тупой самоубийца решится поднять руку на Рысева.

«Ты же знаешь, что это не так!»

«Совсем забыл, Светлая, что из мужского рода больше всего тебя интересует Пифик».

– Он еще шутит, – покачал головой Гном. – Теряет Коршун квалификацию.

– Поэтому мы здесь, а он там. Мы охотники, а он добыча, – подчеркнул Лесник, напоминая напарнику, что план устранения разработан им.

«Пифик! Где он? – спохватилась Светлый Демон. – Вот

уж кто никогда не предаст».

«Иди сюда. Черепаха здесь».

Голоса переместились к другому скрытому микрофону.

«Какая прелесть. Втянул голову и спит. Ты знаешь, Кирилл, я жутко завидую ему. У черепах всегда с собой домик, где можно переночевать, не опасаясь, что откусят голову».

— Я думал, что будет сложнее. — Гном потянулся к рации, приводящей в действие детонатор. В группе за взрывные устройства отвечал он.

Лесник жестом остановил напарника. Он продолжал надеяться, что жертвы в последний момент невольно откроют какой-нибудь секрет. Интересно, человек чувствует, что пришел его конец? Говорят, ангел-хранитель может шепнуть о смертельной опасности.

«Помимо природного домика Пифик обеспечен современным террариумом. Лампы подогрева и освещения включаются автоматически. Комфортабельная однокомнатная квартирка со всеми удобствами».

«Да, Коля позаботился. Из него вырастет хороший человек».

«Уже вырос, Светлая. Парню больше двадцати».

«Страшно подумать. Из-за меня он мог не дожить и до годика».

Ни хрена человек не чувствует перед смертью, убедился Лесник. Да и какой ангел может быть у Демона?

Лесник показал напарнику на пульт. Пока Коршунов и

Светлый Демон не отошли от террариума, надо действовать. Одним зарядом обоих, как он и спланировал! Однако последний «удар палача» пусть выполнит подчиненный. Основное преимущество начальника в том, что грязную работу можно поручить другим, а успех присвоить себе.

Гном схватил рацию, поднял руку, увеличивая радиус действия антенны, и нажал кнопку. Лесник сдернул наушники. В окне третьего этажа вспыхнул яркий взрыв, и вылетели стекла. Направленный заряд не повредил здание, пожара не последовало. В соседних окнах зажегся свет, засуетились жильцы. Погибли только те, кому заряд был предназначен.

– Чисто сработано, – после минутной паузы, констатировал довольный Гном.

– Если не считать черепахи.

– Говорят, СД никогда не допускала лишних жертв. Работала только по «клиенту».

– Нас с тобой она пощадила, – припомнил Лесник провальное задание в Калининграде.

– У нее не было заказа. А у нас был. Пора докладывать?

Лесник набрал номер Рысева, по привычке включая разговор на запись.

– Товарищ генерал-лейтенант, проект «СД» закрыт. Посредник разделил участь проекта... Так точно. Только что. Никаких эксцессов.

Лесник отключил связь. По его лицу было ясно, что начальство снизошло до похвалы. Гном понял настроение на-

парника, приоткрыл бардачок и потянулся за фляжкой коньяка.

– Теперь можно, – одобрил Лесник.

Я не вижу лиц, сидящих в БМВ. Это не беда. Сейчас в моих руках не винтовка с оптикой, а оружие городской шпаны. На пару с Кириллом Коршуновым мы стремительно подходим к машине. Он слева, я справа. Меткость снайпера нам не требуется. Наш козырь – решительный натиск! Мы замахиваемся, и бейсбольные биты синхронно лупят по передним стеклам автомобиля.

Психическая атака безупречна. Какие бы профи не находились внутри, оглушающий двойной удар и брызги стекол на пару секунд нейтрализуют любых пассажиров. Этого нам достаточно. Пока оперативники Конторы в шоке мы разоряем их, забираем телефоны и садимся сзади. Изъятые табельные стволы направлены в спинки кресел на уровне их сердец. Еще один компактный «глок» я сняла с лодыжки Лесника.

– Привет, коллеги! Давно не виделись, – говорит Кирилл.

– К-как? – заикается обескураженный Лесник, узнав гостей с того света.

– Дьявол всегда поможет Демону, – философски заявляю я.

Гном пытается вывернуть шею, чтобы увидеть исчадие ада – неуловимую киллершу по имени Светлый Демон. Как говорят знающие люди, пол жизни ты работаешь на имя, за-



тем имя работает на тебя. Мне не требуется угрожать, брызгая слюной, достаточно приподнять ствол пистолета и заглянуть в глаза противнику пустым немигающим взглядом.

– Не ерзать, – предупреждаю я. – Руки на торпеду, а ты на руль. Как вы понимаете, мы не промахнемся.

– Тем более, моральное право имеем, – подтверждает мои слова Коршунов.

В зеркале заднего вида мечутся испуганные глаза Лесника. Он пытается оправдаться:

– Мы получили приказ. Ты же знаешь, что такое приказ, Коршун.

– Забыл. С некоторых пор я сам себе отдаю приказы. Лесник облизывает пересохшие губы.

– И что теперь? Что вы сделаете с нами?

– Сам знаешь. Если задержанный сотрудничает со следствием, ему снисхождение. А если артачится...

– Что вам нужно?

– Что ты разнюхал обо мне помимо этой квартиры? – спрашиваю я.

До Лесника доходит, раз его сразу не шлепнули, всё не так и плохо. Он успокаивается.

– Знаем кое-какие банковские счета.

– Кроме банков.

– Твои старые связи в Валяпинске.

– Там бы меня и ждали.

– А ты разве туда поедешь?

– Сообразительный. Но ты допустил ошибку.

– Какую?

– Ты, гад, не пожалел мою черепаху.

Мой взгляд леденеет и фокусируется на правом виске оперативника. Туда же рука в перчатке направляет ствол пистолета. Этого достаточно, чтобы мандраж вновь вернулся к Леснику.

– Рыси об исполнении доложили? – спрашивает Коршунов.

– Угу, – кивает Лесник.

– Звони снова.

Коршунов возвращает ему отобранную трубку. Испуганный Лесник ерзает, под его ногами и на кресле хрустят осколки стекла.

– Что я скажу генералу?

– Доложишь, что заглянул в квартиру и заметил на теле Светлого Демона флешку в виде медальона.

– Какую, на хрен, флешку?

– Наверное, очень ценную, раз на себе носила. Скажешь, что снял ее и собираешься проверить.

– Генерал не любит электронные штучки.

– Поэтому интересуется.

– А дальше?

– По ходу сообразим. Повернись ко мне ухом и держи трубку так, чтобы я слышал, о чем речь.

– И без дураков, Лесник. Я жутко расстроена из-за Пифи-

ка, – предупреждаю я.

Лесник набирает номер.

– Что еще? – быстро отвечает Рысев.

– Товарищ генерал-лейтенант, я зашел в квартиру вместе с соседями, чтобы убедиться. Всё прошло чисто. Но я заметил у СД флешку-медальончик.

– Не путаешь?

– Я сорвал медальон. Это флешка. Хочу проверить содержимое.

– Подожди!.. Ты не засветился?

– Соседи в шоке. В квартире дым. Никто ничего не сообщил.

– Так. Выезжайте в Москву. Немедленно. Флешку не трогать. Передашь ее мне. На въезде в город есть гипермаркет «Реал». Встретимся на парковке. У правого крыла. Задание понял?

Лесник вопросительно смотрит на Коршунова. Тот кивает.

– Так точно. Едем.

Лесник отключает связь.

– Рысь уже генерал-лейтенант? – заинтригован Коршунов.

– Благодаря тебе. После Калининградского дела присвоили. А скоро его заместителем директора назначат. Понимаешь, с кем связываешься!

Упоминание должности и разговор с начальником добавляет Леснику уверенности. Его губы кривятся от ехидного

вопроса:

– И какую флешку я ему предъявлю?

– Покажи, Светлая.

Лесник отвлекается на меня. Короткий взмах руки Коршунова, и рукоять пистолета опускается на макушку оперативника.

Только так! Наплевать на должности! Мы настроены решительно. Вечно прячась, невозможно стать свободной. За мной охотится Рысь. Если прятаться и убегать, он рано или поздно настигнет. Это не мой путь. Я готова к схватке. Я хочу стать обычной женщиной, не опасющейся ходить по магазинам из-за видеокамер. Для обретения свободы мне надо победить всесильного врага и обрубить свое прошлое, как хвост ящерицы.

Шел легкий снег, часы на панели приборов внедорожника «вольво» показывали около двух часов ночи, когда Олег Владимирович Рысев заехал на парковку гипермаркета «Реал». Магазин был закрыт, но на площадке стояли отдельные машины. Генерал оценил толщину снежной пелерины на капотах. Ни одного не припорошенного автомобиля. Машины припаркованы с вечера. Видимо местные жители оставляют у магазина автомобили на ночь.

По пути сюда генерал-лейтенант связался с УВД Коломны и убедился, что в одной из квартир зафиксирован взрыв. Подвоха ждать не приходится. Конечно, он мог бы заслушать отчет подчиненных и получить флешку утром в служебном кабинете. Однако лучше перестраховаться. В обычные дни целое управление может работать на него. Но иногда приходится действовать самостоятельно, не откладывая дело в долгий ящик. Сейчас как раз такой особый случай.

На протяжении семнадцати лет Светлый Демон, сама того не подозревая, работала на Контору. Она сделала многое, чтобы офицер Рысев быстро продвинулся по службе. Не забывал он и о личных интересах. Благодаря виртуозной киллерше его благополучие сейчас тоже на высоте. Но умный игрок тем и отличается от жадного, что способен вовремя остановиться. Глупых людей на чиновничьих должностях такого

ранга не бывает, а вот жадных сколько хочешь. На собственной алчности они и горят. Особенно сейчас, когда борьба с коррупцией используется для сведения личных счетов.

Рискованный проект «Светлый Демон» должен уйти в историю. Так решил генерал. Для подчиненных объяснение простое – настали другие времена, изменилась и суть деятельности Конторы. Кровавая эпоха предела собственности позади. Если раньше достаточно было ликвидировать конкурента, чтобы завладеть его бизнесом, и поэтому усилия тратились на создание служб безопасности, то сейчас гарантом сохранения богатства является дружба с властью. А для власти смертельна не пуля, а инакомыслие. В борьбе с инакомыслием мастерство киллера не поможет. Наоборот, убийство политического оппонента способно породить волну недовольства. Поэтому главным оружием для сохранения власти, а значит и богатства, становится дискредитация оппозиции. Представить противника сексуальным насильником, моральным уродом, иностранным агентом, циничным воришкой – вот новый арсенал востребованных информационных киллеров.

В таком ключе объяснял Рысев задачу подчиненным. А раскрывать истинную причину ликвидации Светлого Демона он не обязан.

Генерал заметил черную «трешку» БМВ, въехавшую на парковку. Яркие фары дальнего света описали широкую дугу и нацелились прямо на сидящего в «вольво» генерала.

– Какого черта! – возмутился Рысев, заслоняя лицо ладонью.

БМВ остановилась в десяти метрах напротив автомобиля Рысева. Генерал прищурился и различил подсвеченный регистрационный знак. Это был один из тех обычных номеров, которые используют его агенты для скрытого наблюдения. Рысев расслабился.

«Уже выпили, черти! Не могли отметить завершение дела позже».

Открылась дверца, из БМВ вышел водитель. Он приблизился в свете фар, и Рысев видел лишь темный силуэт мужской фигуры.

Раздраженный генерал опустил стекло и прошипел:

– Кретин!

Тут же ему в висок уткнулся холодный ствол пистолета.

– А я Светлый Демон. Рада познакомиться.

Я сижу на заднем сиденье в машине генерала Рысева. В моей левой руке его пистолет, а в правой ствол, захваченный у агентов в Коломне. Генерал за рулем, и я тычу пушку ему под ребра. Это лучшая диспозиция для беседы с врагом. Если бы я расположилась на переднем сиденье, у тренированного противника оставался бы мизерный шанс обезоружить меня. А в данной ситуации пристегнутому ремнем безопасности генералу проворность не поможет. Не один, так другой мой ствол найдут путь к цели.

О, господи, я снова мыслю, как киллер! В моих руках оружие, снятое с предохранителя. Палец удобно расположился на спусковом крючке. Я ощущаю прилив душевных сил и уверенно смотрю на мир. С оружием я становлюсь другим человеком. Такое впечатление, будто я долго болела, а сейчас нашла верное лекарство.

Видит Бог, я этого не хотела!

Я вернулась в Россию, чтобы встретиться с сыном. Меня тянуло к нему. Я должна объясниться с родным человеком, которого чуть не погубила в младенчестве. Коля должен знать правду о маме, какой бы неприглядной она не была.

Но оказалось, что меня ждут здесь враги. Мой сын и его место жительства перестали быть тайной. Умный противник просчитал мои слабости и приготовился к последней встре-



че.

Когда Кирилл Коршунов зашел в квартиру в Коломне он обнаружил компактное взрывное устройство, замаскированное в блоке освещения террариума. Он догадался, что квартира подслушивается, и нашел один из «жучков». Такой «радушный» прием могли организовать только его бывшие коллеги из Конторы. Так как взрыва сразу не последовало, значит, одного Коршунова им было мало. Они ждали меня. Убийцы были уверены, что я в любом случае подойду к террариуму и наклонюсь к любимой черепашке. В этот момент и должно было сработать взрывное устройство.

Коршунов не подал виду, что обнаружил заряд. Сначала следовало подумать. У нас было два варианта действий: продолжать скрываться или вступить в схватку. Я выбрала второе.

Я уже убедилась, что главный мой враг бывший Заказчик. Он поставил цель уничтожить меня, и я должна принять вызов. Или он – или я! Это единственный путь к свободе. Или здесь – или на небесах.

Сегодня Коршунов принес диктофон с записанным между нами разговором и передал моему сыну, Николаю Субботину. На записи мы разыграли сценку, будто оба находимся в квартире. На самом деле нас там не было. Николай пронес работающий диктофон через комнаты, положил на террариум и быстро вышел. Мы видели взрыв со двора. Мои враги переступили черту.

Автомобиль «прослушки» мы обнаружили заранее. И сразу после взрыва пожаловали в гости. Бейсбольные биты отлично справились с ролью универсальной отмычки и бесконтактного шокера. Лесник и Гном оказались в наших руках.

Но устранять исполнителей бесперспективно. Мне нужен был Заказчик. Именно он – пылающий очаг постоянной угрозы. И нам удалось выманить его!

Я давлю дулом пистолета в бок Рысеву и стараюсь говорить спокойно.

– Ты отдал приказ о моей ликвидации. Я имею право ответить тем же.

– Ты понимаешь, с кем имеешь дело? Я генерал-лейтенант ФСБ! Тебе это даром не пройдет.

– А я киллер в бегах. Одним больше шлепну, одним меньше – ответ тот же, сам понимаешь.

Передо мной затылок генерала – рыжий ежик волос с отливом седины и рубец старого шрама. Мне хочется увидеть его лицо. Я тычу левым пистолетом в висок, и генерал отклоняется. В зеркале заднего вида злой мужской взгляд пытается расправиться со мной. Я никогда не встречалась с Заказчиком, но облик генерала кажется мне знакомым. Высокий лоб, прямой нос, несимметричное лицо, словно генерал вечно прищуривается левым глазом. Возможно, на фотографию Рысева я натыкалась в Интернете, когда изучала сводки происшествий. Высокие чины порой красуются перед журнали-

стами после громких успехов. Кажется, генерал комментировал захват большой партии наличных, доставленных из Дагестана в аэропорт Внуково.

– Не надо делать глупостей, – шипит генерал.

Должна признать, он неплохо держится. Быстро пришел в себя и не паникует, хотя может получить пули сразу из двух стволов.

– Хороший совет, – соглашаюсь я. – Я всегда ему следую, поэтому до сих пор жива. А вот ты сглупил. Ты решил закрыть проект «Светлый Демон». Так у вас говорят?

– Что тебе надо?

– А я решила закрыть Рысь. Тебя ведь так зовут? Я могу это сделать сейчас. Могу позже. Ты же знаешь мои способности.

– Что тебе надо? – повторяет вопрос Рысев.

Сволочь понял, что останется жив. Он прекрасно знает, что киллер не болтает попусту перед тем, как нажать на курок. Неожиданный выстрел и быстрый отход – вот залог успеха профессионала.

– Я хочу свободы. Поэтому предлагаю сделку. Ты передаешь досье на меня и навсегда забываешь обо мне. А я постараюсь забыть о твоём существовании.

– Светлый Демон числится в розыске. Я не могу его отменить.

– Мы не болтаем сейчас об МВД. Мы толкуем о твоей Конторе и о том, что ты, как Заказчик, собрал на меня. Я

хочу получить свое досье.

Меня действительно не пугает уголовный розыск. Разрозненные данные в разных регионах трудно свести в единое целое и повесить на меня. Я меняла облик и оставляла ложные улики. Своей раздутой славе я обязана журналистам. Они приписывают мне половину всех дерзких нераскрытых убийств. Их фантазия не раз показывала свою несостоятельность, и для большинства сотрудников уголовного розыска Светлый Демон не более чем легенда.

Иное дело досье ФСБ. По словам Коршунова оно дает исчерпывающие ответы на вопросы: где, когда, кого и как? Все страницы отпечатаны на пишущей машинке в единственном экземпляре. Электронных копий нет. Опасный «послужной список» хранится лично у Рысева.

– Это не так просто. Досье секретное, – подчеркивает Рысев.

– Поэтому я разговариваю с генералом, а не с его подчиненными. Я получаю бумаги и обещаю не смотреть на тебя сквозь перекрестье прицела.

– Зачем тебе досье?

– Чтобы его уничтожить.

Рысев размышляет, склоняет подбородок и сопит.

– Что вы сделали с моими людьми?

– Они живы. Один в багажнике, другой под задним сиденьем. Коршунов их контролирует.

Генерал что-то прикидывает и решает:

– Завтра вечером здесь мои агенты передадут тебе досье.

– Утром.

– Уже почти утро.

– Боишься не выспаться? Ну, хорошо, в 15–00 на этом месте я получаю досье.

– В восемнадцать.

– В три часа дня! – Я давлю пистолетом ему под ухо. – И ни минутой позже!

– Согласен.

– И учти, Рысь. Если досье не будет – ты труп. Если кроме сегодняшних агентов на встречу пожалует кто-то еще, а мы умеем вычислять конторские морды, ты тоже труп.

Рысев морщится:

– Эти два условия будут выполнены.

Излишняя четкость ответа меня смущает. Не упустила ли я важную деталь? Но возразить нечего, я добилась своего. Пора исчезать.

– Сиди тихо и не высовывайся, пока мы не уйдем.

– А мое табельное оружие? Избавь хотя бы от этой проблемы.

– Покопайся в сугробе при выезде с парковки.

Я покидаю машину генерала и делаю знак Коршунову, что все в порядке.

Мы уезжаем от гипермаркета на своей машине. Это старенький, но мощный американский джип «чероки» с украинскими номерами. В случае опасности им можно им можно расталкивать легковушки. В запасе у нас имеются литовские и латвийские номерные знаки с соответствующими фальшивыми документами. Как ни парадоксально, передвигаться по Москве с иностранными номерами комфортнее и безопаснее. С введением системы видеофиксации дорожным инспекторам запрещено останавливать водителей без серьезных причин. А видеокамеры связаны с базой данных только российских автомобилей.

При выезде с парковки я притормаживаю, мы опускаем стекла и выбрасываем пистолеты Рысева, Лесника и Гнома в глубокие сугробы. Им будет, чем заняться. Компактный австрийский «глок-26» оставляю себе. Ствол, наверняка, «левый», а у нас с Коршуновым не такой большой арсенал, как мне бы хотелось. «Глок-26» можно носить на щиколотках под брюками, не привлекая внимания. Я даже специальную кобуру у Лесника отстегнула, когда Коршунов его вырубил.

За рулем сейчас я. Когда-то Контора в лице дальновидного Посредника направила меня на курсы экстремального вождения. У меня было много времени и средств, подкрепленных терпением и желанием. Я до автоматизма освоила такие

приемы, как полицейский разворот и управляемый занос. С тех пор предпочитаю мощные автомобили с механической коробкой передач и ручным стояночным тормозом. Теперь в случае опасности мой бывший Посредник, а ныне законный муж Кирилл Коршунов, любезно уступает мне право удирать от погони.

Кстати, подполковник ФСБ Коршунов расстался с Конторой мирно. Послал по почте рапорт об увольнении. Рысев не стал «выносить сор из избы» и подписал его. На счет Коршунова перечислили всю причитающуюся при увольнении зарплату.

Формально в федеральном розыске нахожусь только я. Но после сегодняшнего взрыва в Коломне у нас не осталось иллюзий, какая участь предназначена Коршунову. Он не только контакт, позволяющий выйти на меня, но и нежелательный свидетель, а значит, цель для уничтожения.

– Почему Рысев такой кровожадный? – возмущаюсь я, вспоминая безжалостный взрыв в квартире. – Он хотел разом уничтожить меня, тебя и Колю!

– Рысь охотится на тебя, Светлая. А мы с Колей – так, производственные потери.

– Да разве можно устраивать взрыв в жилом доме? Могли пострадать посторонние люди. Хочешь ликвидировать – стреляй точно! Пуля, как скальпель хирурга, а взрывчатка – это удар топором.

– Где же найти таких хороших «хирургов» как ты. С таким

безупречным опытом.

Вот, козел! Про опыт мог бы не упоминать. Для лести достаточно первой фразы.

Говорят, у каждого хирурга есть свое кладбище. У киллера тем более. Порой наша плохая работа дает возможность хирургу продемонстрировать свое искусство. Он первый, кто прикасается к пуле после киллера. На этом сравнение заканчивается. Хирургов много, но о них пишут мало. Киллеров мало, но пресса о них не забывает. Чужая смерть волнует обывателей больше, чем чужое спасение.

– Я готова была его убить, – признаюсь я. – Во мне по-прежнему сидит Демон.

Коршунов понимает меня. После долгой паузы он, как врач-психотерапевт, произносит те слова, которые я не слышала от него.

– Заказчик всегда главный преступник. Киллер лишь оружие убийства. Как пистолет или винтовка. Если не ты, то заказ выполнил бы кто-то другой. И наверняка с большими жертвами. Помнишь, я тебе рассказывал...

Эта история одно из тех горьких лекарств, к которым прибегает Коршунов. Однажды я сломала ногу. Мой заказ передали другому киллеру. Он использовал гранатомет. «Клиент» был ликвидирован. Вместе с ним погибли водитель и охранник, а взорванная машина спровоцировала аварию, в результате которой сгорела заживо ни в чем не повинная семья: учитель, врач и две девочки четырех и шести лет.



– Не забывай, ты тоже в этом участвовал, – напоминаю я.

– Во всех жертвах, прежде всего, повинен Заказчик. И если его не станет... Это и есть высшая справедливость.

Как противно ворошить старое. Проще говорить о сегодняшнем.

– Допустим, Рысев хочет, чтобы я замолчала. Но ведь я же исчезла. Легла на дно, пропала для всех! Ему этого мало?

– А если тебя поймают, и ты дашь показания? Возникнет вопрос: кто Заказчик? У Рысева могут быть крупные неприятности. Как человек дальновидный, он хочет их избежать. Его цель – чтобы ты гарантированно замолчала навсегда.

– Ты уверял, что я ликвидировала преступников, врагов общества.

– Так и есть. Террористов будем мочить и в сортире, как говорил наш Президент. За это сотрудники получают ордена и звания. А ты делала ту же работу, но вынуждена скрываться. Светлая, ты устраняла тех, кого трудно прижать с помощью судебной системы. Они наносили стране вред больше, чем террористы.

Несмотря на снегопад, я еду быстро, неожиданно поворачиваю, ускоряюсь, проскакиваю на запрещающий сигнал светофора. Взгляд фиксирует всё, что происходит сзади и впереди меня. Погони и слежки незаметно. Я сбавляю скорость и держу путь на новую съемную квартиру. К тайному жилищу лучше подъезжать скромно, не привлекая внимания.

– Я была уверена, что смерть мерзавца улучшает общую жизнь.

– Понимаешь, если система порочна, на место погибшего мерзавца заступает новый.

– Но я же в этом не виновата. Зачем Заказчику меня устраивать?

– Я всё больше убеждаюсь, что этим новым мерзавцем мог стать Рысев. Он бизнесмен в погонах. Если потеряет должность, то потеряет и деньги. Ты для него угроза потери должности.

– То есть я ликвидировала кого-то, чей бизнес присвоил он.

– Возможно.

– Кого именно?

– Это тайна, которую нам надо разгадать.

– Но зачем генералу ФСБ рисковать, устраивая на меня охоту с громкими взрывами? Не проще ли, если меня поймут, замаять проблему на этапе следствия?

– Не всё так просто. У Следственного Комитета на Контроль большой зуб. Я тебе говорил раньше про систему сдержек и противовесов в силовых структурах. Если там узнают, что в заказных убийствах замешан генерал ФСБ, это добавит им козырей в подковерной борьбе за влияние в верхах.

– Значит, Следственный Комитет представляет опасность для Рысева?

– С твоими показаниями, да.

– Надеюсь, до этого не дойдет. Завтра он предаст досье и прекратит охоту.

– По поводу завтрашней встречи, – хмурится Коршунов.

– Уже сегодняшней. – Я показываю на часы.

– На встречу я поеду один.

– Это почему? Вдвоем у нас больше шансов выкрутиться в случае опасности!

– Рысеву, прежде всего, нужна твоя голова. Если я буду один, он не станет ничего предпринимать.

– Он способен держать слово?

– Рысь способен на всё, – подумав, отвечает Коршунов.

От его мрачной интонации мне становится не по себе.

Мы оставляем «чероки» в полукилометре от дома и идем пешком. Такая уж у меня привычка. Завтра я припаркуюсь в ином месте и пойду другим маршрутом. И так каждый день пока мне предстоит пользоваться этой квартирой. Если ты предсказуем, ты уязвим.

Рядом с нашим подъездом я замечаю прикрученный цепью к газовой трубе мощный мотоцикл. Видно, что техника не первой молодости, хромированные детали истерты, бензобак покрашен, колеса явно от разных моделей. Только безрассудный лихач способен мотаться на двухколесном монстре в зимнюю метель. По словам Коршунова мой сын Николай стал именно таким. Это его мотоцикл. И с правилами конспирации он, к сожалению, не знаком.

Николай работает механиком в автосервисе. Денег, припрятанных мною в коломенской квартире, ему хватило, чтобы обустроиться и приобрести старенький побитый мотоцикл престижной марки. Николай довел технику до ума и теперь гоняет на двухколесном друге и в зной и в стужу. Вот черт, меня это беспокоит! Как и любую маму. Нужно серьезно поговорить с сыном. Предупредить, что лихачество...

О, господи! Размечталась! Разве имею я право вмешиваться в личную жизнь двадцатилетнего парня Николая Субботина, который лишь на днях узнал, что у него имеется

непутевая мать, скрывающаяся от полиции. И если бы только это! В девять месяцев по моей вине он чуть не погиб, а прошлым летом из бабьей жалости я умудрилась с ним переспать. Как после этого пройдет наша встреча?

Квартира находится на пятом этаже. На лифте мы поднимаемся на седьмой и спускаемся по лестнице. Это тоже одна из привычек вечного беглеца. В данный момент я не контролирую ситуацию. В преддверие встречи колотится сердечко, ноет душа, а в голове полный сумбур.

Кирилл Коршунов открывает дверь квартиры и пропускает меня вперед. На ватных ногах я вхожу в темный коридор. Свет не зажигаю, чтобы не вычислили с улицы. Предосторожности во мне на уровне инстинктов, и сейчас я рада, что ночь скрывает мое потерянное лицо.

Я прохожу в комнату и вижу взрослого парня. Не могу поверить, что это тот самый сынишка, которого я баюкала на руках. Николай поднимается с дивана. Он ждал меня. Мы стоим в метре друг от друга. Зыбкий свет ночного города, пробивающийся сквозь шторы, позволяет разглядеть лишь фигуру. И это хорошо. Я надеюсь, что моих слез никто не заметит.

От переизбытка эмоций я не могу вымолвить ни слова. В горле ком, мышцы скованы, шея одеревенела. Стыд, смущение и радость разрывают сердце. Сейчас я не безупречный киллер со стальными нервами, а обыкновенная баба, совершившая в жизни кучу ошибок.

Я благодарна Коршунову, что он поведал обо мне сыну без утайки. У меня не хватило бы сил. Теперь Коля знает самое главное. А я способна произнести единственное слово.

Как бы сын меня не принял, я обязана повиниться:  
– Прости.

Я слышу свой голос, словно со стороны. Мое сознание расщепилось, часть неподвижна, а часть кружится, подхваченная вихрем. Я вижу картину сверху. В темной комнате замерли две фигуры самых родных на свете людей. Для них время застыло. Они оказались в центре бушующего торнадо. Стены рассыпались, город разрушился, весь мир вращается с бешеной скоростью, однако они ничего не замечают. Горловина торнадо закручивается вплотную за их спинами, малейшее движение вспять, и жизнь разметает их навсегда. Ураган усиливается, вихрь сужает свои тиски, и становится понятно, что стихия ждать не будет. Торнадо способен зацепить кого-то из них и выбросить в никуда.

Та часть моего сознания, которая вращается в урагане, хочет крикнуть, предупредить меня, что спасение в единстве. Но я понимаю, что это бесполезно. Тело не услышит меня. И даже если услышит, оно не способно сдвинуться. Сказав единственное слово, попросив прощения, я не имею право принимать решение. Я могу лишь надеяться. Решение должен принять человек, стоящий напротив. Он родной мне по крови, но не обязан любить маму, обрекшую его на сиротское детство.

И вот я вижу, как Коля делает шаг и обнимает женщину. О, боже! Ее надежда сбылась. Он простил ее, они воссоединились!

Ураган теряет мощь и уходит в небытие. Комната обретает прежние черты, а я возвращаюсь в себя. Мои щеки влажные от слез. Это не только мои слезы, а и слезы сына. Я реву, не стесняясь. Вот оно – счастье. Я обрела сына.

Теперь я могу говорить. Слов много, остаток ночи проходит в разговорах. Я узнаю о сыне, а он о своем погибшем отце, у которого тоже были два смешных темечка на макушке. Как же я любила прикасаться к ним!

Утром меня ждет еще одна радость. Коля спохватывается и показывает коробку, где мирно спит Пифик. Вчера в Колонне, положив диктофон на террариум, он все-таки потратил драгоценные секунды и, рискуя жизнью, вынес черепаху.

В середине дня обширная парковка перед гипермаркетом «Реал» не пустовала. Свободными оставались лишь крайние ряды, где ночью состоялась встреча с Рысевым.

Прежде чем остановить машину Кирилл Коршунов несколько минут петлял по парковке. Вчерашних противников он заметил сразу. Они не таились. Гном курил рядом с заведенным автомобилем, а хмурый Лесник развалился за рулем. Оперативники приехали на прежней «трешке» БМВ, в которую успели вставить стекла.

Из магазина выходили покупатели с тележками, подъезжали новые машины. Наибольшее беспокойство у Коршунова вызвал белый фургон по доставке воды в офисы. К подобному маскараду часто прибегали сотрудники Конторы. Да и в прибывавших то и дело легковушках могла оказаться группа захвата. Для волнения всегда найдется причина, однако формально условия встречи были соблюдены.

Коршунов остановил джип «чероки» перед капотом машины оперативников. Гном ослабилась и показал свободное место в общем ряду. Коршунов покачал головой. Он планировал сохранить возможность выехать первым.

С минуту бывшие коллеги изучали друг друга, словно ожидая подвоха.

– Один? – кивнул на пустое сиденье Гном.



– Она в багажнике.

Вспышка радостного удивления мелькнула на лице Гнома, сменилась понимающей усмешкой и завершилась угольками злости в глазах.

Отсутствие Светлого Демона являлось главной страховкой Коршунова. Он прекрасно понимал, кто является основной целью Рысева в смертельной схватке. Если первым устранят его, то задача агентов усложнится, Светлая станет менее уязвимой. Каждый охотник подтвердит, что пару хищников преследовать проще, они оставляют вдвое больше следов.

Кирилл Коршунов наполовину опустил правое стекло, жестом раскрывающихся ладоней показал, что ждет досье, и ткнул пальцем на пассажирское сиденье.

Из БМВ вышел Лесник. В руках он держал красную канцелярскую папку на тесемочках. Потертые края свидетельствовали, что завели досье давно. Коршунов узнал особый идентификационный номер на обложке, означавший высшую степень секретности. Досье тайного киллера хранилось лично у Рысева. По его приказу Коршунов пополнял содержимое папки после каждого выполненного Светлым Демоном задания. Рысев не доверял электронным носителям, все документы печатались на машинке в единственном экземпляре.

– Надо поговорить, – с ленцой в голосе заявил Лесник.

– Сначала досье, – указал Коршунов.

Лесник стянул вязаную шапочку, под которой оказалась свежевыбритая голова, и, морщась, притронулся к пластырю на макушке.

– До сих пор башка трещит. Мне бы отлежаться, а я вынужден выполнять условия бешеной сучки.

Коршунов ежесекундно бросал взгляды в зеркала, контролируя ситуацию. Засада, если и была предусмотрена, пока никак себя не проявляла.

– Папку! – Коршунов протянул руку к приоткрытому окну.

– У тебя последний шанс вернуться к своим.

– Бросай документы!

Лесник оценил узкий зазор между дверцей автомобиля Коршунова и капотом своей машины.

– Поддай вперед. Я сяду, и объясню кое-что.

– Досье! – Коршунов категорично хлопнул ладонью по сиденью.

– Нервишки у тебя ни к черту.

Лесник швырнул папку на сиденье. Коршунов развязал тесемки, быстро перелистал разнообразные бумаги, перебрал конверты с фотографиями. Вне всяких сомнений это был оригинал досье Светлого Демона. Помимо общих сведений об исполнителе в папке были собраны подробные детали каждого заказа, выполненного СД по поручению Конторы.

Внутреннее напряжение немного отпустило Коршунова. Он быстро осмотрелся. Вокруг на парковке ничего не изме-

нилось. Что ж, первая часть плана выполнена. Рысев пошел на сделку. Досье – это обоюдоострое оружие, которое таит опасность, как для исполнителя, так и для заказчика. Теперь предстояло уехать в тихое место и уничтожить документы. А затем оторваться от слежки, которая наверняка будет. Если его не задержали здесь, значит, хотят выйти на Светлого Демона.

На сиденье шлепнулся небольшой планшетник.

– Нажми на «play», прежде чем уедешь! – приказал Лесник. В его голосе появилась жесткость.

Коршунов опустил взгляд. На экране в странном антураже застыло испуганное лицо девушки, которую он сразу узнал. Танечка, Татьяна Коломиец – родная дочь Коршунова, проживающая в Калининграде! В груди неприятно заныло, словно в сердце загнали ржавый гвоздь.

– Мы не выпустим тебя, пока не согласишься на запись, – предупредил Гном, угрожая бесформенным пакетом, через который просматривался пистолет.

Коршунов ткнул палец в стрелку воспроизведения на сенсорном экране. Изображение ожило. Татьяна сидела на табурете в комнате с бетонными стенами, ее запястья были сцеплены наручниками. Некто медленно двигался вокруг перепуганной девушки и снимал на камеру.

«– Это не мой пакет. Не мой! Мне его подбросили! – на грани истерики объясняла Татьяна.

– На пакете ваши отпечатки. Есть свидетель, готовый под-

твердить, что вы ему сбывали героин. Неоднократно. – Монотонно говорил человек за кадром.

– Какой героин! Я ничего не знаю!

– Полкило высококачественного героина. Сбыт в крупном размере. До двенадцати лет строго режима.

– Это не правда! Я невиновна!

– А вы знаете, что такое строгий режим?

– Я журналистка и знаю ваши приемчики. Мне нужен адвокат!

– Хотите на свободу?

– Да, – выдохнула испуганная девушка.

– Это легко устроить, но прежде... – Камера приблизилась к лицу Татьяны. – Вы учитесь на факультете журналистики и должны знать, что в новогоднюю ночь от героина скончался студент вашего университета. Его папа, очень авторитетный бизнесмен, мечтает найти ту гадину, которая лишила жизни его единственного сына. Папа настолько зол, что правосудие не потребуется. Я допущу утечку, что задержана девушка с оптовой партией героина, совпадающего с тем, что обнаружили у его сына. И выпущу вас.

Возникла пауза. Человек с камерой продолжил наматывать круги, а растерянная девушка то и дело выворачивала шею, чтобы не терять его из виду.

– Что вы хотите? – наконец спросила Татьяна.

– От вас, ничего. Вам просто не повезло с отцом. Я имею в виду кровного папашу».

Камера остановилась. Потрясенная девушка смотрела прямо в объектив. В углу кадра мелькало время – утро сегодняшнего дня. На этом запись закончилась.

– Изверги! Гнусные ублюдки! – кипел от негодования Коршунов.

Он узнал голос человека за кадром. Это был Егор Иванович, опытный сотрудник Конторы в Калининграде, который беспрекословно выполнял команды Рысева. Кирилл прекрасно помнил, как Егор Иванович сначала помогал ему со Светланой, а как только получил отмашку из Центра, сдал на расправу прибывшим Чистильщикам.

Стук в окно вернул Коршунова к действительности. Безусловно это шантаж, надо знать требования противника. Он сдвинул машину на метр вперед и открыл дверь. На сиденье плюхнулся Лесник.

– Оперативно работаете, гниды, – хмуро заметил Коршунов.

– Фирма веников не вяжет. А если вяжет, то фирменные, – ухмыльнулся Лесник. – Ты же знаешь против кого попер.

– Что вам нужно?

– Не что, а кто. – Лесник многозначительно посмотрел на Коршунова.

– Условия?

– Или твоя дочь, или Светлый Демон. Ты сейчас же выводишь нас на СД. Или твоей дочери не станет.

Коршунов нервно сунул руку под куртку. Раздался преду-

предительный стук о капот. Перед джипом стоял Гном, направив «пакет» в грудь водителя. Коршунов опустил руку и нервно облизнул губы.

– Что значит выводишь?

– Подставляешь. Вызовешь подружку в удобное место, а дальше действовать будем мы. Как только Рысь получит голову СД, твою дочь освобождают, а о тебе Контора забывает. Роскошные условия!

Кирилл прикрыл глаза. На чашах весов судьбы балансировали два самых близких ему человека: родная дочь и любимая женщина. Одна в Калининграде, другая в Москве. Ему не разорваться и не спасти обеих. Сегодня одной из них не станет. Тяжелый выбор должен сделать он.

Глаза распахнулись. Кирилл смотрел сквозь стоящего на дороге Гнома, готового выстрелить.

– Я согласен, – решил он.

– Ну, вот. Ты же наш человек, а бывших наших не бывает. – Лесник засуетился. – Сдай оружие.

Коршунов вынул из внутреннего кармана пистолет Макарова.

– Это всё? – усомнился Лесник.

Коршунов подумал и задрал штанину. К лодыжке был прикреплен нож.

– Ну, прямо, детский сад какой-то! – Лесник забрал оружие и приказал: – А теперь звони.

Я слышу звонок и беру трубку. Кирилл говорит бодро и уверенно.

– Встреча прошла по плану. Рысь выполнил наше требование, досье у меня.

– Где ты сейчас?

– Отъезжаю от гипермаркета.

– Никаких осложнений?

– Нет.

– Они могут следить.

– Не думаю. Ты здорово напугала Рысева. Он посчитал, что проще пойти на сделку, ведь ты всегда держишь слово. В конце концов, уничтожение этих документов и в его интересах.

– Не расслабляйся, Кирилл.

– Не беспокойся, я проконтролирую «хвост». Главное – досье у меня. Домой его не повезу, сожгу по дороге. Хочешь, сделаем это вместе?

– Любопытно взглянуть, что на меня накрапали.

– Это стоит увидеть. Помнишь нашу поляну? Приезжай. Устроим огненное прощание с твоим прошлым.

Для кого-то старый компромат, как скелет в шкафу. Пока не открыты дверцы, можно жить спокойно. Для меня досье – это чугунный якорь, вечно тянущий на дно. Избавиться от

опасных документов будет большим облегчением.

– Договорились. Выезжаю, – обещаю я, стараясь скрыть волнение.

– Что за поляна? – спросил Лесник, когда Коршунов выключил мобильник.

– Заброшенный кирпичный завод по пути к Коломне.

– Почему «поляна»?

– Чтобы слухачи не догадались.

– Место тихое?

– Светлый Демон испытывала там оружие.

– Покажи на карте, где это?

Коршунов раскрыл атлас автомобильных дорог, молча ткнул пальцем.

– Бакунино, – прочел Лесник. – Поедем на твоей тачке, чтобы СД нашу не засекала. – Он махнул рукой Гному. – Садись сзади. Мы едем на свидание с падшим ангелом.

Через час Кирилл Коршунов стоял внутри полуразрушенного цеха напротив широкого проема, служившего когда-то воротами для въезда грузовиков. «Чероки» был припаркован во дворе на видном месте. Кирилл извлекал страницу за страницей из объемного досье, чиркал зажигалкой, наблюдал, как скручивается чернеющий лист, и бросал его догорать на бетонный пол. Чтобы не оставить шанса ни единому клочку, он время от времени прыскал на пламя жидкостью для розжига и ворошил пепел.



Гном занял позицию в бывшей будке охранников на проходной завода. Расчет был прост. Заезжая внутрь, Светлый Демон неизбежно проедет вплотную к выбитым окнам будки, и у Гнома появится прекрасный шанс решить проблему с помощью скорострельно пистолета-пулемета с пулями, пробивающими бронежилет. А если это не сработает, то в дело вступит спецназ. Рысев выделил двенадцать бойцов, чтобы раз и навсегда «закрыть вопрос». Они слышали по радиации Лесника адрес встречи и должны затаиться неподалеку. Как только Светлый Демон проследует к заводу, спецназ перекроет обратный путь. Бойцы проинструктированы о стрельбе на поражение.

Лесник прятался за стеной цеха, контролируя действия Коршунова. Помимо прочего, он должен был подтвердить генералу, что каждый листок секретного досье сгорел дотла.

Наступили ранние зимние сумерки. Лесника это устраивало. Фары подъезжающей машины будут видны издалека, и все участники операции успеют подготовиться. Стоит Светлому Демону появиться около завода – ей конец!

Прошло более часа. Лесник занервничал.

– Где она? Позвони еще раз, – потребовал он.

– У нас так не принято. Если я буду настаивать, это может ее спугнуть, – возразил Коршунов.

– А если у нее изменились планы?

– Она даст знать.

– Как?

– Через мобильный.

– Дай сюда.

Лесник забрал телефон Коршунова, проверил эсэмэски. Их не было. Последним звонком числился тот, который Коршунов сделал от гипермаркета. Зная свою привычку, записывать важные разговоры, Лесник поискал звуковые файлы и разочаровался. Чисто.

В томительно ожидании прошло еще минут сорок. Коршунов проследил, как догорает последний лист секретного досье, и прыснул на горку золы остатки жидкости для розжига. Пламя радостно дохнуло вверх и постепенно успокоилось.

Лесник связался по рации с Гномом:

– Как у тебя?

– Жду. Пальцы, блин, мерзнут. Давай поменяемся.

– Терпи.

Лесник перевел недовольный взгляд на Коршунова. Кирилл поспешил заверить:

– Она придет. Не может не прийти. Только я сомневаюсь: вдвоем вы с ней справитесь? Где подкрепление?

– Рысь не любит привлекать дополнительные силы, – счирил Лесник.

– Боится огласки? Или вас двоих он сам сможет «зачистить», когда потребуется?

– Я не дурак, Коршун. И привык страховаться. В случае чего...

Лесник невольно дотронулся до нагрудного кармана, где хранил свой телефон. Кирилл припомнил, как по пути сюда Лесник доложил Рысеву, что Коршун пошел на сделку, и вытянул из генерала четкое указание на ликвидацию Светлого Демона. «К чему бы это? Неужели, пишет?» – задумался Коршунов.

Лесник покосился на бывшего коллегу и набрал новый позывной.

– Дублер, Дублер, я Лесник. Как обстановка?

– Чисто.

– Какие машины проследовали?

– Ни одна тачка не затормозила и не свернула к заводу, – прохрипела рация.

– Сохранять бдительность! – приказал Лесник и отключил связь.

– Вдвоем все-таки опасаетесь, – заметил Коршунов. – Кишка тонка.

– А чего ты такой спокойный? – завелся Лесник. – Ты ее предупредил?! Намекнул условным паролем?!

– Я говорил то, что ты слышал. И она согласилась приехать.

– Так, где же она? Где?! – Лесник надвигался на Коршунова, угрожающе размахивая пистолетом.

– Я знаю столько же, сколько и ты.

– Неужели! А что знает она? – Лесник включил рацию – Гном, ко мне!

Когда прибежал напарник, Лесник взял на прицел Коршунова и приказал:

– Обыщи его. Тщательно!

– Снимай куртку, – потребовал Гном.

Коршунов, нехотя, повиновался. Гном проверил брошенную одежду и принялся ощупывать пленника, начиная с плеч и подмышек. Его ладони спустились ниже и натолкнулись на что-то твердое, прилепленное к груди. Гном сунул руку под джемпер, сорвал электронное устройство и продемонстрировал напарнику:

– Лесник, он нас дурачил. Нас слушали!

– Кто? Она? – Лесник шагнул к Коршунову. Непримири-  
мые противники пожирали глазами друг друга.

– Я такой же, как ты. У нас одна школа. – Глаза Кирилла  
скосились на рацию бывшего коллеги.

– Ты об этом еще пожалеешь.

– Слышь, Лесник, а вдруг, ты сейчас на мушке. Я подниму  
руку и...

– В машину! – рявкнул Лесник, вжимая голову.

Коршунов бросил взгляд на пепел, оставшийся от досье, разворошил его ботинком и направился к выходу. Документы уничтожены, половина дела сделана. Но почему не появилась Светлая? Неужели она не поняла его замысел?

Когда Кирилл наклонился, чтобы сесть в джип, Лесник нанес ему удар пистолетом по голове и запихнул обмякшее тело на заднее сиденье.

— За ним должок, — объяснил он напарнику и включил рацию: — Дублер, мы уезжаем. Зачистить завод. Проверь каждую щель.

Во время встречи Коршунова с агентами у гипермаркета я находилась на противоположной стороне парковки и слышала их разговор от начала до конца. Так мы условились. Я должна была знать, как пройдет опасная встреча. И узнала! Меня ошарашила новость, что Контора шантажирует Кирилла жизнью дочери. Хотя после взрыва в квартире моего сына нечто подобное следовало ожидать. Рысев готов на любую подлость лишь бы добраться до меня.

Это ненависть или расчет? Неужели, приняв решение избавиться от опасного свидетеля можно пойти на такое? Насколько же я ему мешаю! И как я его теперь ненавижу!

Опять вспомнилась истина, что лучшие агенты получают из сирот. Таковы были наставления Рысева, когда он решил сделать из меня тайного киллера. Об этом недавно поведал мне Коршунов. Чертов генерал оказался прав. Следует только добавить, что агент сирота должен всю жизнь оставаться одиночкой. Никаких жен и мужей! Никаких любимых! И ни в коем случае не заводить детей!

Я семнадцать лет жила по этим правилам. Единственное близкое существо – черепашка Пифик. Возможно, поэтому я избежала крупных неприятностей. И вот теперь у меня есть любимый человек – Кирилл Коршунов. У него дочь Таня, а у меня сын Коля.

Близкие люди делают нас уязвимыми. Этим и воспользовался Рысев.

Услышав, что Таня в опасности, я растерялась. Но Коршунов принял быстрое решение. Он позвонил и назначил мне встречу на нашей «поляне». Он сделал вид, что поддался шантажу и намерен меня сдать. Однако хитрость заключалась в том, что на заброшенный завод я могла приехать первой. Там в тайнике хранилась моя снайперская винтовка. Я сразу поняла замысел Кирилла. Я должна опередить его, извлечь винтовку и подготовиться к встрече с противником.

И я помчалась.

Решившись на противостояние с Конторой, мы приобрели по доверенности вторую машину – «мицубиши лансер» с турбированным двигателем. Я люблю быстрые тачки с «механикой». У них больше возможностей, чем у сонных «автоматов». Нога давит на «газ», щетки смахивают с лобового стекла липкую грязь размочаленного снега, а в голове кружится вихрь тяжелых мыслей.

Территорию завода я знаю. Мне не составит труда найти удобную точку обстрела и ликвидировать двух подлецов. Убивать их нежелательно, достаточно вывести из строя. Как ни странно, это сложнее. Нельзя стрелять в голову, шею, грудь и живот. Остаются плечи, руки и ноги. Подобные заказы у меня бывали, справлюсь. А дальше следует обменять жизни агентов на жизнь Татьяны. Я не сомневалась, что так же думает Коршунов.

По радио в новостях упоминают о взрыве в Коломне. Я увеличиваю громкость.

«Экспертами установлено, – тараторит диктор, – что в квартире в момент сборки сработало самодельное взрывное устройство. Молодой мужчина, проживавший там без регистрации, исчез. Вероятно, он связан с террористами. Его ищут».

Вот как извернулись! Моего Колю объявили террористом. Такие дела расследует ФСБ, и всё будет под контролем Рысева.

Спидометр отмеряет километр за километром, я приближаюсь к заброшенному заводу первой, но вместо уверенности в голову лезут сомнения.

А что если противников окажется не двое, а больше? Агенты не простаки, подкрепление к ним может прибыть в любой момент. Справлюсь ли я? Мы имеем дело с могущественным противником, который решил меня уничтожить. Во власти генерала Рысева подключить к операции спецназ. Если завяжется перестрелка, он с легкостью отдаст приказ не щадить никого. Ему будет только на руку, если вместе со мной погибнут Коршунов и его агенты. Проект «СД» закроется наилучшим образом, а смерть сотрудников генерал спишет на борьбу с терроризмом.

Что же делать? Есть ли иной выход? Неужели я так и буду решать все проблемы с помощью метких выстрелов?

Чем больше я думаю, тем меньше становится скорость мо-



его автомобиля. Принимая решение о захвате дочери Коршунова, Рысев наверняка просчитал наши ответные действия. «Когда нет выбора – делай то, что умеешь лучше всего». Это верное правило, которому меня обучил Посредник. А лучше всего я умею стрелять. И Рысев об этом знает. Мои методы сформированы под его влиянием. Я для него открытая книга.

К черту правила! Сейчас у меня есть выбор. Я не буду делать то, на что рассчитывает Рысь!

Я двигаюсь в крайнем левом ряду, смотрю на спидометр – скорость около шестидесяти. Увожу руль чуть вправо, нажимаю сцепление, резко срываю ручник и кручу руль влево. Визжат шины, «лансер» круто разворачивается на сто восемьдесят градусов и замирает на осевой линии. Умница!

Я втыкаю первую передачу и возвращаю руль на место. Бросаю сцепление – и «газ» в пол!

Да простит меня Коршунов, но на нашей «поляне» я появляться не собираюсь. Я принимаю другое решение. Это будет сюрприз для всех, в первую очередь для Рыси.

Служебный кабинет генерал-лейтенанта Рысева выглядел консервативно. Похоже, за последние полвека мебель здесь не менялась. Дубовый стол с зеленым сукном, на стенах панели из красного дерева потемневшего от времени, шкафы под потолок, в одном из которых затаился несгораемый сейф в рост человека, напольные часы с тяжелым маятником в углу, непроницаемые портьеры на окнах и портрет Дзержинского за спиной. Исключение составляло современное кресло хозяина со множеством регулировок и постоянно обновляемые средства связи.

Олег Владимирович подошел к часам, открыл стеклянную дверцу и подтянул цепочку с гирей. Столетний механизм, конфискованный когда-то чекистами из дворянского дома, функционировал исправно, чего нельзя было сказать о некоторых сотрудниках.

Пора уже кое-кому доложить об исполнении задания. Вчера два самых доверенных агента провалили операцию в Коломне. Мало того, подставили начальника! Разжаловать бы их и сослать к черту на кулички! Но слишком много знают, подлецы. С такими или вместе до могилы или отдельно в могилу каждого.

Сегодня время реванша.

Ранним утром Рысев дал четкие инструкции своему со-

труднику в Калининграде, получил нужную видеозапись, и Коршунов сдался. Теперь дело за малым. Правда, пришлось пожертвовать секретным досье. Рысев пошел на этот шаг, потому что уничтожение досье отвечало и его интересам. Светлый Демон должна исчезнуть. Так же, как и ее послужной список, за которым просматривалась заинтересованная рука. Прошрое требовалось подчистить в преддверии новой очень высокой должности.

Заработал мобильный телефон. Генерал-лейтенант взял трубку.

– Она не пришла, – сообщил майор Петров, известный по оперативному псевдониму Лесник.

– Ждите. Могла застрять в пробках.

– Она не приедет.

– Объясни, Петров!

– Коршун явился с «прослушкой».

– Козлы! – в сердцах выругался Рысев.

– Что с ним делать?

Генерал несколько раз сжал и разжал пальцы свободной руки. В молодости он получил ранение в левую ладонь, и хирург велел разрабатывать кисть. Привычка осталась. Это помогло успокоиться. Вот и сейчас злость осела, как мусть в стакане «бормотухи». Генерал отдавал себе отчет, что сильные эмоции, будь то ненависть или любовь – плохой советчик. В любой схватке рассудок должен оставаться холодным.

«У чекиста должны быть чистые руки, горячее сердце и

холодная голова» – наставлял романтиков Революции Дзержинский. Романтиков не стало, времена изменились. С чистыми руками не заметишь, как станешь грязным нищим, с горячим сердцем получишь инфаркт, а на счет головы возражение нет – мозги должны работать четко. Хотя бы у начальника. А что подчиненные опять лопухнулись – приходится мириться. Слишком умный подчиненный опасен. Рано или поздно он может занять твоё место.

– Запри Коршуна в «бункер», – приказал генерал. – И предупреди, что он сам решил судьбу своей дочери.

«Бункером» именовалось одно из старых бомбоубежищ, которые активно строились в жилых кварталах Москвы вплоть до развала Советского Союза. Большинство из них теперь использовались как склады и автомастерские. Одно из таких бомбоубежищ, оформленное на подставную фирму, генерал приспособил для личных целей. Там были глухие двери, система вентиляции, запас продуктов и, что немало важно для конспирации, в «бункер» можно было заехать, не выходя из машины.

Пока Рысев размышлял, как поступить с запуганной в Калининграде дочерью Коршунова, в кабинет зашел помощник.

– Я, кажется, не вызывал, – осадил помощника генерал.

– На ваше имя, Олег Владимирович, поступило срочное сообщение из Следственного Комитета, – поспешил доложить офицер.

– Подождет. – Генерал махнул рукой, но потом остановил помощника: – Что им понадобилось?

– Некая Светлана Демьянова просит адвоката.

– Что?!

Брови генерала сдвинулись к переносице. Он осмысливал неожиданную информацию.

– Эта женщина явилась сегодня к следователю с повинной и сообщила, что вы ей предоставите адвоката. Они тут же обратились к нам, – объяснил помощник.

– В чем она признается?

– Не сообщается.

– А что тебе еще известно?

– Только фамилия следователя. Майор юстиции Спиридонов.

– Майор, значит. – Рысев поджал губы и задумался.

Помощник выждал паузу и уточнил:

– Что прикажете ответить?

– Срочно затребуй фотографию этой Демьяновой.

Пока сотрудник выполнял поручение, генерал спешно оценивал изменившуюся ситуацию. Его левая рука непроизвольно сжималась и разжималась. При всех расчетах он никогда не предполагал, что наемный киллер может сдать сама. Оставался шанс, что появилась самозванка. Или Светлый Демон подставила кого-то вместо себя.

Вернулся помощник с распечаткой двух фотографий спокойной коротко стриженной женщины в фас и в профиль. Ге-

нерал узнал ее. «Она!» Его кулак сжался и не разжимался.  
«Что ты задумала, Демон?»

– Что-нибудь еще? – спросил помощник.

– Свободен. Я сам решу вопрос.

– Вы утверждаете, что вас зовут Светлана Михайловна Демьянова.

– Да.

– Тридцать девять лет. Родились в Валяпинске?

– Возможно.

– Уточните.

– Я сирота из интерната. Тридцать девять исполнится в мае, если доживу. Родителей не знаю.

– Откуда отчество и фамилия?

– Усыновите, сразу сменю.

Я нахожусь в кабинете следователя. Передо мной начинающий полнеть мужчина моего возраста, представившийся майором Спиридоновым Сергеем Сергеевичем. Типичный кабинетный чинуша – очки, залысины, замедленные движения, задница по ширине плеч.

Следователь на разный лад задает одни и те же вопросы и заполняет протокол. Я не имею представления о своих родителях. Отчество Михайловна придумала сама, когда получала паспорт. В то время так звали руководителя страны, с которым связывали большие надежды. Страна та вскоре рухнула, как впрочем, и моя никчемная жизнь.

Моя персона явно заинтересовала и обескуражила майора юстиции. Не каждый день в Следственный Комитет являют-

ся убийцы с повинной.

Крутой разворот на шоссе означал столь же крутое изменение моего поведения. Иногда жизнь требует от нас неожиданных поворотов. Особенно, когда за спиной сильный враг. Если ты предсказуем, ты уязвим. Я долгие годы скрывалась от правоохранительных органов, а сейчас сама сунулась им в лапы. Ну кто такое мог ожидать!

– Почему у вас нет документов? – продолжает свою работу следователь.

– Потеряла.

– Где? Когда? При каких обстоятельствах?

– Не помню.

– Где вы проживаете?

– Я лицо без определенного места жительства.

– Выпиваете?

– А еще я кушаю.

– Злоупотребляете спиртным? – уточняет вопрос следователь.

– Да какое это имеет значение! – мне начинают надоедать бесконечные вопросы.

– Вы утверждаете, что восемнадцать лет назад убили мэра города Валяпинск?

– Да.

– Где это произошло?

– На центральной площади у памятника Ленину.

– Сколько раз вы выстрелили?



– Кажется, два. Точно не помню.

– Какой у вас был пистолет?

– Черный.

– Марка? Модель?

– Не знаю.

– Где вы взяли оружие?

– В Караганде! – огрызаюсь я.

– У кого? – следователь долбит по клавиатуре и ни черта не замечает юмора.

– Всё! Я устала и требую адвоката! Вы сообщили Рысеву?

– Откуда вы знаете генерал-лейтенанта службы безопасности?

– Вы связались с ним? – настаиваю я.

– Я проинформировал свое начальство. Они свяжутся.

Так откуда...

– Больше никаких вопросов!

– Ну, хорошо. – Следователь возится с ноутбуком, распечатывает протокол и кладет передо мной листы, прижимая их ладонью. – Напишите на каждой странице: «С моих слов записано верно». Дата. Подпись.

– Может еще и время поставить?

– Я внес время допроса в протокол.

– Тут пустое место, – придираюсь я. – А вдруг вы что-то допишете.

– Вы в праве зачеркнуть неиспользованные строки.

Я рисую размашистый зигзаг и расписываюсь. Майор

Спиридонов закрывает папку, убирает ее в стол и откидывается на спинку кресла.

– Я задерживаю вас на двое суток для выяснения личности.

– Мне нужен адвокат.

– Думаете, генерал вам его предоставит? Что связывает вас с Рысевым? – следователь ложится грудью на стол и разглядывает меня, словно желает протиснуться в душу.

Не выйдет. Я опускаю глаза и молчу.

– Сейчас, гражданка Демьянова, вас отвезут в изолятор. Завтра мы продолжим допрос. Хочу предупредить, что одного заявления об убийстве недостаточно. Потребуется восстановить все детали преступления.

– Без адвоката – ни слова! – предупреждаю я.

Мне требуется, чтобы Рысев как можно скорее узнал о моей явке с повинной.

Как большинство служащих Лубянки Олег Владимирович Рысев не уважал Следственный Комитет. Ну, кто так работает! Пресс-секретарь с генеральскими погонами вечно мелькает на телевидении. Глядя на него, сотрудники управлений то и дело дают комментарии по только что начавшимся расследованиям. Уголовное дело еще не поступило в суд, а уже сформировано общественное мнение. И часто вредное! Для общества и государства! А ведь строго дозированная утечка информации важный прием в системе манипуляции настроением граждан.

Нет, раньше, когда следователи входили в состав Прокуратуры, работать было проще. А сейчас они заматерели. Или слово «Комитет» в названии так сильно влияет на осознание собственной значимости? Вот грозная Контора заменила «Комитет» на «Службу» в своем названии и как-то подрастеряла былой авторитет. Слово «комитет» у Рысева вызвало ассоциацию с монолитной пирамидой, а «служба», «прислуживаться», «служить» – с ресторанным «чего изво-лите».

Не произойди сегодняшний форс-мажор, Рысев бы на порог к следакам не явился. А тут приходится стучать при входе в кабинет обычного начальника отдела Никанорова.

За столом сидел упитанный мужчина в синем кителе пол-

ковника юстиции.

– Я к вам Андрей Георгиевич. – Рысев заранее узнал имя нужного ему человека, прошел к столу и предъявил свое удостоверение.

– Присаживайтесь, товарищ генерал-лейтенант, – предложил хозяин кабинета.

– Я, собственно, ненадолго. – Рысев остался стоять, чем вынудил подняться полковника. – Сегодня вы задержали женщину, которая интересуется нашу организацию. Вот бумага, согласно которой мы должны перевести ее в СИЗО «Лефортово».

Никаноров взял распоряжение, подготовленное Рысевым.

– Вы про Демьянову? Любопытный случай. Она совершила что-то особенное?

– Это государственная тайна. На этапе следствия я не имею права разглашать информацию.

– Следствие. – Выудил любимое словечко полковник юстиции. – Вы знаете, следствие по явке Демьяновой с повинной ведет следователь Спиридонов. Сейчас я его вызову.

Полковник нажал кнопку коммутатора.

– Разве мы не можем решить вопрос без подчиненных?

– Вы же знаете закон, товарищ генерал-лейтенант. Всё решает официальный следователь. И никто, даже я, не вправе надавить на него. – Сработало соединение. Хозяин кабинета сел за стол и наклонился к микрофону. – Спиридонов, зайдите ко мне.

Рысев громыхнул отодвинутым стулом и сел, закинув ногу на ногу. Никаноров сделал вид, что занят документами. Три минуты прошло в недобром молчании, пока в кабинет не вошел следователь. Полковник представил ему генерала Рысева и показал его распоряжение. По немому диалогу многозначительных взглядов между начальником и подчиненным Рысев понял, что легкого разговора не предвидится.

– Угу, – прочел документ следователь и поправил очки. Спиридонов стоял рядом с начальником и свысока смотрел на чужого генерала. – Здесь не сказано, на основании чего ФСБ хочет забрать подследственную.

– Мы давно ее разыскиваем.

– Какие статьи вы ей инкриминируете?

– А в каких преступлениях сознается Демьянова? – задал ключевой для себя вопрос Рысев.

– Она рассказала об убийстве чиновника одного из уральских городов. Это произошло давно, и требует проверки.

– Мы соберем нужные доказательства.

– По признанию Демьяновой убийство совершено на почве личной мести. Разве подобные преступления входят в сферу вашего ведомства?

– Мы занимаемся разными делами.

– Мы тоже, – веско заметил полковник юстиции.

Почувствовав поддержку, следователь обратился к своему начальнику:

– Андрей Георгиевич, я не вижу оснований для переда-

чи дела Демьяновой в смежную организацию. Она явилась к нам. Я начал процессуальные действия. На данном этапе требуется подтвердить ее личность, затем мы займемся сбором доказательств. Если товарищ генерал-лейтенант хочет помочь следствию... – Спиридонов повернулся к Рысеву: – Вы знакомы с задержанной?

– Нет.

– Странно. – От нервного усердия у следователя проступил пот на залысинах. – Она указала вас, как человека, который подыщет ей адвоката. Необычное доверие для незнакомца.

Это был вызов. Рысев сжал и разжал опущенный кулак.

– У вас крепкие зубы? – спросил он, обращаясь к следователю.

– Что, простите?

– Я спрашиваю, у вас крепкие зубы, Спиридонов? А у вас, Никаноров? Запомните, эта дама вам не по зубам.

Рысев поднялся с неудобного стула и забрал из рук оторопевшего следователя свое распоряжение. Холодные немигающие глаза генерала остановились на каждом собеседнике, словно он хотел навсегда зафиксировать их образы в памяти.

– Значит, без адвоката задержанная отказывается говорить?

– Обычная песня. – Следователь смущенно развел руки.

– Завтра я пришлю адвоката, – заверил Рысев и вышел, не попрощавшись.

Как только за мной лязгает засов, центровая тетка в камере с вызовом интересуется:

– Кто такая будешь?

– Сто пятая, часть вторая, – отвечаю я. – Откликаюсь на Светлую. Но сейчас хочу подумать.

– Двух и более? – хмуро уточняет центровая.

– С особой жестокостью, – добавляю я.

Больше ко мне не пристают. А думать мне есть о чем. Как среагирует Рысь? Сработает ли мой план? Что сейчас с Коршуновым и Татьяной? Не совершила ли я роковую ошибку, сдавшись следователю?

Сомнения мешают спать. Так и проходит ночь в камере следственного изолятора. Не санаторий, конечно, но бывали в моей жизни условия и похуже. Особенно если вспомнить психушку в Валяпинске, привязанные к кровати руки и ноги и двух ублюдков насильников.

Утром мне разрешают встречу с адвокатом. Я тихо радуюсь. Ключнул!

Конвойный вводит меня в комнату для допросов, где уже ждет холеный пожилой мужчина с глазами навывкате и зачесанными назад седыми волосами.

– Адвокат Лев Борисович Ревзин, – представляется он, как только конвойный объяснил про кнопку экстренного вы-

зова и запер за собой железную дверь.

Мои губы дергаются от невольной улыбки. Пышная грива, как нельзя лучше подходит к его имени. Наверное, мои светлые волосы также ассоциируются с именем Светлана. Поэтому я их часто крашу в темный цвет и использую парики. Я поправляю челку. Вот черт! Как же неудобно начинать день без зеркала и расчески.

Мы присаживаемся за стол напротив друг друга. И стол, и табуретки намертво привинчены к полу.

– Я здесь по поручению господина, о котором вы вчера упомянули на допросе. – Адвокат картинно дотрагивается до ушей и показывает на стены.

Будь, по-твоему. Боишься оглашать фамилию своего хозяина, я согласна подыграть.

Адвокат раскрывает папку и протягивает мне бумагу.

– Требуется подписать доверенность, чтобы я мог представлять ваши интересы.

Я бегло просматриваю стандартный текст и расписываюсь.

– С формальностью покончено, перейдем к делу. Я ознакомился с вашим заявлением. Должен сказать, вы поступили неосмотрительно.

– Когда убивала, или когда призналась в убийстве?

Лев Ревзин морщится, наклоняется ко мне и говорит тише:

– Насколько я понимаю, вы хотите о чем-то сообщить упо-



мянутому мной ранее господину.

– Я хочу выдвинуть требование.

– Вот как? – слегка удивляется Ревзин.

– И еще, я не привыкла к обращению «господин». Дикая Кошка, мне кажется, более соответствует нашему случаю. Я имею в виду кошку поменьше, чем лев.

Лев Борисович приосанивается, понимает намек, и кивает:

– Допустим. С небольшой поправкой – Кот, а не Кошка.

Я не могу сдержать усмешки. Как же мужчины щепетильны на счет своего маленького отличия от нас.

– Дикий Кот вчера сделал больно одной девушке, проживающей в красивом приморском городе. Также он поступила плохо с нашим общим знакомым уже здесь, в Москве.

– Вы полагаете, Кот знает, о ком идет речь?

– Несомненно.

– И что вы хотите?

– Я не хочу, а требую, Лев Борисович. Я требую, чтобы пострадавшие от Дикого Кота немедленно были оставлены в покое.

– А что взамен?

– Мое молчание.

– Поясните. Вы откажетесь от явки с повинной?

– Нет. Я буду молчать про другие свои недостатки, о которых хорошо осведомлен Дикий Кот.

Адвокат ставит локти на стол, складывает ладони верти-

кально и слегка похлопывает пальцами. Во время разговора он не делал никаких записей и сейчас, скорее всего, прокручивает в голове все детали нашей беседы.

– Хорошо. Я доложу о том, что вы сказали.

– Вы сделаете это немедленно. И сегодня снова придете на встречу ко мне и дадите возможность убедиться, что мои условия выполнены. Я должна услышать это от пострадавшей стороны по телефону. Лично.

– От девушки и мужчины, которых вы упомянули?

– Вы правильно меня поняли.

– Хорошо. Однако я не уверен, что возможно так быстро решить проблему.

На этот раз я наклоняюсь к седовласому Льву и шепчу:

– Это не проблема, Лев Борисович. Проблемы начнутся, когда я заговорю. И не у меня.

– Но я не готов отвечать за вторую сторону. А если Кот откажет?

– Адвокат, нажмите кнопку. У Дикого Кота ровно три часа. Время пошло. Потом я встречусь либо с вами, либо со следователем.

Для убедительности я хочу встать, но решаю, что достаточно будет особого взгляда. Получай, львенок! Так я смотрю сквозь прицел в решающие секунды перед нажатием спуска. И любые слова в этом случае лишние.

Покинув следственный изолятор, Лев Борисович Ревзин сел в машину и проехал три километра к центру города. В условленном месте он припарковался и пересел во внедорожник «вольво». Там ждал его человек, который в далекие восьмидесятые спас начинающего адвоката Лёву Ревзина от длительного заключения за незаконные операции с иностранной валютой.

Плата за услугу была небольшой – подписать согласие на тайное сотрудничество с организацией, которую представлял «спаситель». Сотрудничество оказалась несложным и даже выгодным. Пару раз ушлый Лёва Ревзин убирал конкурентов умелыми доносами.

С тех пор вербовщик из госбезопасности стал генералом, а Лев Борисович Ревзин преуспевающим адвокатом. И хотя исчезла с карты мира прежняя страна с кумачовым флагом, и валюту продают в открытую на каждой улице, адвокат продолжал висеть на крючке у поднявшегося по служебной лестнице офицера.

Однажды Ревзин взбрыкнул, мол, не боится огласки старых грехов. Спустя неделю прожженный рецидивист дал показания, что заказчиком ограбления и убийства семьи антиквара является адвокат Ревзин. И предъявил правдоподобную улику. Тогда то Лев Борисович убедился, что подлость

не имеет срока давности. Как он когда-то подставлял коллег, так могут пустить под откос и его благополучную жизнь. Он сдался. Улика оказалась ложной, а рецидивист заявил, что хотел затянуть следствие.

– Как ведет себя, сука? – спросил генерал Рысев, пытаясь найти ответ по выражению лица адвоката.

– Держится уверенно.

– Явку с повинной можно объяснить нервным срывом?

– Нервы у дамочки всем на зависть. А взгляд такой – у меня мурашки по спине.

– Чего она хочет?

Ревзин с максимальной точностью пересказал суть разговора с подзащитной, признавшей в давнем убийстве мэра уральского города.

– Я по правде, не понял о чем речь. А вам всё понятно?

– Более чем. – Рысев задумался, его рука равномерно сжимала и отпускала руль. – Значит, говоришь, три часа?

– К сожалению, уже два сорок.

Рысев хлопнул ланями по рулю:

– В этом СИЗО я ее не достану! Можешь организовать ее перевод к нам?

– Пока дело находится в Следственном Комитете – это маловероятно. – Если она признается в более серьезном преступлении, то...

– Это не выход! Как будут развиваться события в обычном порядке?

– Завтра истекает срок ее временного задержания. Суд должен определить меру пресечения. Я думаю, ее заключат под арест на два месяца. Это обычная практика.

– Ее повезут в суд?

– Да.

– Какой?

– Я, как адвокат, имею право узнать у следователя.

– Звони сейчас.

Ревзин связался со Спиридоновым, подтвердил, что подзащитная наняла его, и уточнил, где состоится слушание.

– Кузьминский суд. В шестнадцать часов, – сообщил он генералу.

– Хорошо. Свободен.

– До завтра?

– Какое завтра! Ты что, не понял? Через два часа доби-  
ваешься новой встречи с Демьяновой, и сообщаем, что ее  
требование выполнено.

– Она захочет убедиться.

– Дашь ей свою трубку, пусть сделает один звонок.

Когда адвокат покинул «вольво», Рысев связался с Егором Ивановичем в Калининграде. Команда генерала-лейтенанта были короткой – отпустить и извиниться. Подчиненный не задавал лишних вопросов.

Вторым звонком Рысев вызвал Лесника. На этот раз инструкции последовали более подробные. В заключение генерал сказал:

– У Гнома два часа. И пусть он учтет ошибку в Коломне. Сделать надо хитрее. Помните против кого работаете.

На несколько минут Рысев задумался. Генерал взвешивал плюсы и минусы различных вариантов своих действий. Зыбкая идея обрастала деталями, пока не приобрела завершённую форму.

– Сегодня ты меня переиграла, – прошипел генерал далекой собеседнице. Он был уверен, что сейчас она тоже думает о нём. – Ты сделала неожиданный ход. Теперь моя очередь.

Рысев достал из портфеля старенький сотовый телефон и вставил в него симкарту. Подобные средства связи он покупал с рук на подмосковных станциях, прикидываясь дачником. Сейчас настал один из тех моментов, для которых они были предназначены.

Генерал набрал номер, дождался ответа и постарался изменить голос, добавив нервозность:

– Это брат Артура Хасаряна?

– А ты кто такой?

– Я знаю, кто убил вашего брата. В него стреляла женщина-киллер.

Речь шла о громком заказном убийстве двухлетней давности в центре Москвы вора в законе Артура Хасаряна. Его брат Давид оказался скор на расправу с предполагаемыми исполнителями, но со временем убедился, что мстил не тем.

– Откуда ты знаешь?

– Мой братуха продал ей винтовку. Сука его убила. Я

недавно откинулся с зоны и нашел ее.

– И что ты хочешь?

– Того же, что и вы.

Собеседник ответил после паузы:

– И почему ты сам с сукой не покваитаешься?

– Птичка не моего полета.

– Где она?

– У ментов. Но завтра в шестнадцать часов ее доставят в Кузьминский суд. Если сука даст показания, ее будет охранять ФСБ.

– Откуда знаешь?

– Я шалаву из канцелярии суда охмурил. Она и шепнула.

– Как зовут киллершу?

– Светлый Демон.

Рысев отключил телефон, вынул и разломил симкарту. Кроме собственной воровской легенды, остальное в сообщении было правдой. Артура Хасаряна ликвидировала Светлый Демон. Среди бандитов наверняка ходили слухи о ней. По воровским законам Хасарян-младший обязан отомстить за брата.

Маршрут на службу генерал выбрал так, чтобы проехать по набережной Яузы. На одном из поворотов он опустил стекло и швырнул использованный телефон в незамерзающую грязную реку.

Оказавшись в рабочем кабинете, Рысев некоторое время раздумывал, а потом связался с Лесником.

– Завтра в четыре после полудня надо быть готовым к нештатной ситуации. Объясню при личной встрече.



С лязгом раскрылись многопудовые двери. Коршунова вывели из бетонного отсека бомбоубежища, где он провел целые сутки, и запихнули в БМВ на заднее сиденье.

– Куда? Что с Таней? – торопливо спросил Кирилл.

Агенты действовали молча. Вязаная шапочка, надвинутая на глаза, лишила Коршунова возможности обзора. Сцепленные за спиной руки вынуждали сидеть сгорбленным. Оставалось слушать и ждать.

Заурчал двигатель, автомобиль, задрав нос, выехал из подземного «бункера». Коршунову показалось, что водитель сознательно петляет по переулкам. На всякий случай, он отсчитывал время и запоминал повороты. «Шестнадцать – налево, тридцать четыре – направо...» Это позволяло ему сконцентрироваться и не чувствовать себя безвольным пленником.

После шестого поворота автомобиль оказался на шумной трассе, разогнался, через восемь минут четырнадцать секунд свернул вправо, и на счет «двадцать один» остановился в тихом месте. Клацнула открывшаяся дверца.

– Руки давай!

Кирилл Коршунов узнал голос Лесника. Он вывернул руки. Щелкнул замок наручников. Теперь можно было протереть запястья и размять плечи.

Лесник сдернул с Коршунова шапочку и выдернул из машины.

– Свободен. Поживи пока.

Кирилл осмотрелся. Улица тихая, но люди ходят. Это хороший знак. Сзади приткнулся его «чероки», из которого вышел насупленный Гном и направился к Коршунову.

– Хотел нас под пули Демона подставить! Наши люди обыскали тот заводик, куда ты нас привез, и нашли винтовку с оптикой. Она должна была нас грохнуть, да?

Гном ударил кулаком в живот. Кирилл стерпел удар, понимая, что его привезли сюда не для того, чтобы отдубасить.

– Ты идиот, Коршун! Предал систему! Мог быть с нами, а связался со списанной киллершей. Ей по любому кранты!

– погоди, вас тоже спишут.

Гном презрительно сплюнул:

– Я же говорю – идиот!

– Отдельный, обособленный человек, – согласился Лесник. В отличие от напарника он был настроен философски. – Таково первоначальное значение слова «идиот».

– Чего? – скривился Гном.

– Древние греки уважали общественные обязанности и называли себя «политес». А тех, кто игнорировал общественную жизнь, например, не ходил на голосования, называли «идиотес». Коршун, ты участвовал в выборах? – Не дождавшись ответа, Лесник развел руки: – Я так и думал. Такого гражданина сознательные греки презирали и подчерки-

вали, что это ограниченный, невежественный человек. Так, постепенно, «идиот» стало синонимом слова «тупица».

– Скоро у нас «идиотес» станет больше чем «политес». Но мы подправим статистику!

Гном снова замахнулся, но его остановил Лесник:

– Нашего идиота лечить поздно.

– Эй, вы, сознательные греки, что с Таней? – прервал словоблудие оперативников Коршунов. – Где моя дочь?

Лесник бросил мобильный Коршунова на водительское сиденье в «чероки» и ушел к своей машине. За ним последовал Гном. Агенты уехали. Коршунов заметил ключи в замке зажигания и сел за руль.

Его выпустили, вернули машину и телефон. Что бы это значило? Ночь он провел в неизвестном бункере. Полчаса назад дали попить и вывезли сюда.

Взволнованный Кирилл подхватил телефон и набрал номер дочери.

– Таня! – обрадовался он, когда ему ответили. – Ты где?

– Я уже дома. Меня держали в камере, а недавно отпустили.

– Ты в порядке? С тобой ничего не сделали?

– Всё нормально. Но почему со мной так поступили?

– Это из-за меня. Прости.

– И из-за нее? – Оба поняли, о ком идет речь. – Вам пришлось выполнить их условия?

– Таня, я тебя прошу срочно уехать в Польшу. И зате-

ряться где-нибудь в Европе. Никому не говори, где ты. Связь только через почту.

– Всё так серьезно?

– Да.

– И надолго мне надо исчезнуть?

– Пока мы не решим проблему. Остаться в Калининграде тебе опасно.

– Вообще-то я и так собиралась уехать на зимние каникулы.

– Вот и прекрасно! Уезжай сегодня же, только измени маршрут.

– Я попробую что-нибудь придумать.

После разговора с дочерью Коршунов набрал номер Светланы. Ее телефон был отключен. Звонок Николаю Субботину тоже ничего не прояснил. Николай не видел мать со вчерашнего дня.

Коршунов запомнил место, где его освободили, записал время и повороты в обратном порядке, выехал на оживленную магистраль и понял, в какой район Москвы его вывезли. До их нового жилья не так и далеко. Конечно, в машине может быть «маячок», показывающий его местоположение. Но это можно проверить позже. Пока он оставит «чероки» подальше от дома и воспользуется метро.

Как только Коршунов припарковался у станции метро, ему позвонили с незнакомого номера. Взволнованный Кирилл узнал спокойный голос любимой женщины:

– Это я. Они освободили тебя и Таню?

– Да, я только что разговаривал с ней. С нами всё в порядке. Где ты?

– Я в СИЗО. Сама приехала в Следственный Комитет. Заявила об убийстве мэра Валяпинска.

Кирилл осмысливал неожиданную новость.

– И что теперь будет? – спросил он.

– Это был единственный способ заставить Дикого Кота, прыгающего по деревьям, пойти на сделку. Детали обо мне можешь узнать у адвоката Ревзина. Я звоню с его телефона.

– Откуда ты взяла адвоката?

– Его мне предоставил Дикий Кот.

Светлана отключила связь. Коршунов растерянно смотрел на трубку. Вот и прояснилась истинная цена его освобождения. Любимая женщина заплатила своей свободой. Разговор о негласном противостоянии Следственного Комитета и ФСБ не прошел даром. Светлый Демон на шантаж ответила шантажом. Как же Рысь боится свидетельницы своих грехов! А если так, то живой отработанная киллерша ему не нужна даже за решеткой.

Через полчаса Кирилл Коршунов вошел в квартиру. Там его ждал обеспокоенный Николай Субботин и невозмутимый Пифик.

– Где вы? Я места себе не нахожу! – размахивал руками Николай. – Что случилось?

– Светлая в большой опасности. – Коршунов коротко рас-

сказал о произошедшем за минувшие сутки. – Ее надо вызывать. И чем быстрее, тем лучше.

– Она же в тюрьме. Как мы ее вытащим?

– Из СИЗО нереально. А вот по пути в суд или обратно...

Кирилл узнал от адвоката, когда и в какой суд Светлану доставят. Но адвокат связан с Рысевым. Значит, генерал тоже знает о передвижении своей противницы. Там, где есть шанс освободить заключенного, еще проще его ликвидировать. Вряд ли Рысев не воспользуется представившейся возможностью.

Коршунов задумчиво смотрел на пол, где за неимением террариума отмерял шаги неторопливый Пифик. К задней лапе животного Светлана привязала рыжую ленточку, чтобы проще было найти черепаху, если он забьется под диван или в темный угол.

– Собирайся. У нас мало времени, – принял решение Кирилл.

Лесник и Гном не преследовали Коршунова. Они сидели в автомобиле и смотрели на дисплее компьютера за положением датчика ГЛОНАСС, спрятанного в «чероки». Последние полчаса датчик не двигался.

– Он бросил тачку у метро, – сделал вывод Лесник.

– Осторожный. Ты бы на его месте тоже так поступил.

– А если он не вернется?

– Коршун знает, как обнаружить «жучки» и просканирует

автомобиль. На это я и рассчитываю.

– Что-то я не понял.

– Он найдет датчик и микрофон – и успокоится. А заряд останется на месте.

– Как же мы поймем, что надо взрывать, если не сможем его слушать?

– Прошлый раз слушали, и Коршун нас перехитрил. На этот раз будут работать законы физики, а мы будем отдыхать.

Лесник удивленно взглянул на напарника. Гном усмехнулся:

– Это тебе не про «идиотес» языком чесать. Взрыватель сработает от перегрузки. Коршунов в одежде тянет на сто килограмм, СД еще шестьдесят-семьдесят. Так вот, как только нагрузка на автомобиль превысит двести килограмм, заряд взорвется.

– Но если они сядут в «чероки» вдвоем – получится сто семьдесят.

– Я все учел. Они взорвутся в движении. «Лежащий полицейский», выбоина, крутой поворот добавят недостающую перегрузку. Усек, в чем фишка? На этот раз фокус с диктофоном не прокатит. Две задницы на передних сиденьях – и они в аду. Без нашего участия.

– И как мы узнаем?

– Наши технари чего только не разработали. За секунду до взрыва устройство передаст сигнал. Мы увидим, где они загнулись. – Гордый Гном указал на дисплей.

– Ты гений. – Лесник демонстративно зевнул. – Забыл тебе сказать. СД парится в СИЗО, и вряд ли когда-нибудь сядет в «чероки».

– Блин! Какого хрена ты...

– Полегче, Гном! Я сам недавно узнал у Рыси. Но ты не зря работал. Коршунов с Субботиным тоже потянут на двести кило.



Кирилл Коршунов заметил худосочного Николая Субботина на обочине, притормозил машину и распахнул дверцу.

– Садись.

Николай отряхнул ноги от снега и аккуратно сел рядом с водителем.

– Чего такой худой? Никак не отъешься после армии?

– До армии интернат был. Организм приучен к голодному пайку.

Коршунов только стал разгоняться, как дорогу ему резко пересек «бомбила» на старой «ладе», свернувший к голосующему пассажиру.

– Дебил! – Кирилл ударил по тормозам.

Пассажиров качнуло к стеклу и отбросило обратно на сиденье. Коршунов облегченно выдохнул:

– Были бы сейчас на «чероки», я бы ему багажник в салон вмял. А у «лансера» тормоза зверь.

Кирилл запомнил фразу Светланы: «сама приехала в Следственный Комитет». Как он и рассчитывал, ее «лансер» он обнаружил неподалеку от Главного управления СК по Москве. Автомобиль был не заперт. Под водительским сиденьем лежали ключи, документы и пистолет «глок». Коршунов резонно посчитал, что на рискованное дело следует отправляться на не засвеченной машине. «Чероки» подождет.

Коршунов и Субботин покрутились на «лансере» вблизи Кузьминского суда, запоминая расположение улиц, и заняли наблюдательную позицию в прямой видимости от здания. Ждать доставки заключенного пришлось около часа.

Из-за больших сугробов автозак не мог подъехать вплотную к служебному входу и остановился на дороге. По обеим сторонам от автозака расположились конвойные, вооруженные автоматами. Еще один охранник вывел арестанта в наручники из машины. Конвоировать до входа предстояло метров пять.

Коршунов мучительно прикидывал, как завтра в подобной ситуации вытащить Светлану. С дороги арестант отгорожен фургоном автозака. Тротуара для прохожих у служебного входа нет, и любой слоняющийся рядом вызовет подозрение у полицейских. А вот сверху вид отличный. Голые ветки тополей никак не мешают обзору. Но чем это поможет освобождению?

Конвой завел арестанта в здание суда. Автозак отъехал, чтобы не перегораживать дорогу. Коршунов собрался подойти поближе, чтобы на месте оценить обстановку, как увидел сутулого пожилого человека с острой бородкой в старомодной меховой шапке, драповом пальто, с массивными очками на носу. В руке он держал потрепанный портфельчик. Ни дать ни взять, адвокат-неудачник, спешащий к служебному входу. Коршунов не обратил бы на него внимание, однако «адвокат» не стал заходить внутрь, а повернулся спиной к

двери. Поверх очков смотрели цепкие молодые глаза.

Кирилла пригвоздила страшная догадка.

Ряженный «адвокат» стоял в позиции «цель» и изучал близлежащие дома. Так предусмотрительная охрана определяет возможные точки обстрела, чтобы принять контрмеры. Но охранникам незачем маскироваться. А вот киллеру, готовящемуся к работе, маскарад не помешает. У «адвоката» даже сутулость на время исчезла. Но вскоре он снова вошел в роль и потопал по направлению к стройке, расположенной метрах в ста пятидесяти справа от здания суда.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.